

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ФГКОУ ВО РЮИ МВД России)

**ОРГАНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Сборник научных трудов
Всероссийского круглого стола**

(5 апреля 2024 года)

Ростов-на-Дону

2024

УДК 343.13(08)
ББК 67.411
У 261

Редакционная коллегия:

Н. С. Диденко, кандидат юридических наук, доцент;

А. Г. Мовсисян, кандидат юридических наук;

Ю. С. Мандрыка;

М. Ю. Фисаков.

Ответственный секретарь – *Я. А. Шараева*, кандидат юридических наук, доцент.

У–261   **Органы предварительного следствия: традиции, современное состояние, перспективы развития:** [Электронное издание]: сборник научных трудов Всероссийского круглого стола (5 апреля 2024 г.) / отв. ред. Н.С. Диденко. Электрон. дан. (699 КБ). – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/ DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.
ISBN 978-5-89288-544-7.

Сборник подготовлен по итогам Всероссийского круглого стола «Органы предварительного следствия: традиции, современное состояние, перспективы развития». В нем представлены материалы по наиболее значимым вопросам деятельности органов предварительного следствия.

Предназначен для научно-педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД России, представителей образовательных организаций Минобрнауки России, сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации.

Выпускается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

ISBN 978-5-89288-544-7

УДК 343.13(08)
ББК 67.411.

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Болдырева Э.А. Специфика проведения допроса как тактика взаимодействия с подозреваемым.....	4
Бирук М.С. Момент возникновения опасности и момент обнаружения опасности как обязательные условия для установления причинно-следственной связи при дорожно-транспортном происшествии.....	8
Гриценко Т.В. Судебный штраф как основание прекращения уголовного дела.....	17
Диденко Н.С. Предварительное следствие в современных условиях проблемы и перспективы.....	24
Карягина О.В. Цифровизация стадии возбуждения уголовного дела: перспективы законодательного закрепления	28
Катрыч А.А. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном судопроизводстве.....	34
Кокорева Л.В. Актуальные проблемы предварительного следствия: влияние технологий и недостатки законодательства.....	40
Мандрыка Ю.С. Понятие и сущность морального вреда по уголовно-процессуальному законодательству России.....	46
Миронова А.В. Использование специальных знаний следователем как условие развития процесса доказывания на современном этапе.....	52
Мовсисян А.Г. К вопросу о совершенствовании мер пресечения в уголовном процессе.....	57
Семенцова И.А., Малявина А.Б. Институт реабилитации в уголовном судопроизводстве: история становления.....	63
Таран А.В. Актуальные проблемы, возникающие в процессе расследования преступлений в форме предварительного следствия.....	69
Шараева Я.А. Проблемы кадрового обеспечения органов предварительного следствия.....	75

СПЕЦИФИКА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА КАК ТАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПОДОЗРЕВАЕМОМ

Болдырева Э.А.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Тактика допроса – это основа получения достоверной и полной информации в процессе допроса об обстоятельствах, которые имеют значение для доказательства совершенных правонарушений. Следственное действие, которое включает в себя допрос подозреваемого, состоит в том, чтобы получить от него информацию. Важность данной темы заключается в том, чтобы определить правильную тактику допроса для получения информации, которая может помочь в раскрытии дела. Одним из наиболее важных и информативных действий в процессе расследования, является допрос подозреваемого.

Важно знать, что успешное проведение допроса зависит от использования следователем различных тактических приемов и рекомендаций [1, с. 268].

Первостепенной задачей следователя является выявление факта лжи со стороны обвиняемого. В случае, если допрос подозреваемого происходит при активной или пассивной оппозиции, у участников процесса возникает определенное напряжение. В процессе расследования следователь постоянно контактирует с участниками дела, оказывая им психологическое воздействие [2, с. 128].

Процедура допроса подозреваемого не отличается от допроса обвиняемого по общим правилам. Однако тактика общения с ними различается. В главе 26 УПК РФ находится информация о правильности проведения допроса, а правила определены ст. 189 УПК РФ [4].

Подготовка к допросу играет ключевую роль. Если следователь не определит тему допроса, не подготовит список конкретных вопросов и не продумает их формулировку заранее, то риск не получить нужную информацию значительно возрастает.

К допросу подозреваемого необходима подготовка, которая включает в себя [3, с. 43]:

1. Изучение личности подозреваемого. Чем больше информации следователь сможет узнать, тем больше вероятность применения правильной тактики допроса.

2. Разработку тактического плана. Это важный шаг, который включает в себя составление плана и разработку тактики для проведения допроса.

3. Определение места и времени допроса. Обычно допрос проводится на месте производства предварительного следствия, однако при необходимости следователь может выбрать другое место для его проведения. Допрашивать подозреваемого можно не более 4 часов, но если сделать перерыв не менее чем на один час для перекуса или отдыха, то общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать 8 часов (ст. 187 УПК РФ) [4].

4. Определение способа вызова на допрос. У следателя есть право выбрать удобный способ вызова для установления положительного психологического контакта с подозреваемым.

5. Техническую поддержку. Сюда входит подготовка необходимого оборудования.

У следателя очень мало времени для подготовки к допросу. Обычно следователь располагает ограниченным количеством информации о подозреваемом, но при первом допросе возникает определенное преимущество: следователь может воспользоваться эффектом неожиданности, ведь подозреваемый еще не успел продумать свою защиту и не знает, какими данными располагает следователь [5, с. 284].

Изучая личность допрашиваемого, следователь выявляет его социальный статус, роли, которые он играет в обществе, группы, к которым принадлежит, а также положительные и отрицательные характеристики, имеющие значимость для расследования. Для достижения этих целей следователь может

использовать различные методы, такие как допрос родственников и знакомых, выяснение биографических обстоятельств, а также консультации педагогов и психологов. С целью выяснения образа жизни допрашиваемых и их связей с преступными средами следователи направляют указания следственным органам для получения необходимой информации участковых инспекторов [6, с. 567].

В системе упоминаются следующие способы тактического взаимодействия с подозреваемым:

1. Установление психологического контакта. Понятие «психологический контакт» подразумевает воздействие на психику участников общения, о чем говорит само название. Суть контакта заключается во взаимном воздействии, где одна сторона обладает информацией и может делиться ею или удерживать в зависимости от обстоятельств, таких как следственные или судебные процедуры, особенно во время допроса. При установлении контакта психологическое воздействие может принимать разные формы и зависит от нескольких факторов, таких как необходимость контакта, его цель, методы воздействия, использование эмоционального состояния участников общения и желание передать необходимую информацию. В любой ситуации допроса подозреваемых, важно установить психологический контакт для получения как можно больше информации. Для установления психологического контакта используют тактический прием как эмоциональное воздействие, а именно привлекают подозреваемого информацией, которая поможет получить взаимный интерес и создать благоприятную обстановку допроса. Психологический контакт является очень важным приемом для допроса подозреваемого, т. к. с помощью данного приема можно получить вербальную информацию во время допроса предварительного расследования и судебного разбирательства.

2. Использование доказательств. Существует несколько методов использования доказательств при допросе. Например, представление их в порядке возрастающей силы, предъявление сначала наиболее веского, решающего доказательства и предъявление по многоэпизодным делам отдельных доказательств или их групп по разным эпизодам.

Доказательства, применяемые во время допроса, позволяют достичь следующих целей:

1. Представление реальных доказательств для преодоления возможного заблуждения у допрашиваемых лиц.

2. Использование доказательств для выявления ложных показаний со стороны подозреваемого.

При этом следует соблюдать ряд условий, а именно:

- использовать проверенные и неоспоримые доказательства;
- предварительно расспросить лицо по обстоятельствам, связанным с доказательством;
- не раскрывать доказательства перед допрашиваемыми раньше, чем необходимо;
- обеспечить максимальную эффективность использования доказательств, правильно выбирая способ и время их представления подозреваемым и обвиняемым;
- разъяснить сущность и значение представленных допрашиваемому доказательств.

3. Снятие напряжения. Для этой цели используются такие методы, как проявление такта и внимания при допросе подозреваемого. Опыт работы в расследовании показывает, что часто люди, приглашаемые на допрос, находятся в состоянии психического напряжения или попадают в него в процессе беседы. Это естественным образом затрудняет процесс и мешает достижению целей допроса. Следовательно должен уметь распознавать признаки психического напряжения и использовать свои наблюдения в тактических целях [7, с. 863].

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что успешность допроса, его полнота и информативность зависят от подготовки следователя к проведению допроса, его умения устанавливать психологический контакт с подозреваемым, применять правильные тактические приемы в ходе допроса, оперативно реагировать на различные ситуации, чтобы получить полную информацию, которая поможет в раскрытии расследуемого дела. Для этого

следователю нужно постоянно совершенствовать свои тактические навыки для допросов.

Литература

1. Третьякова Е.И., Гафеева Т.В., Шаевич А.А. Тактические приемы преодоления конфликтной ситуации при допросе: вопросы теории и практики // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXV международной научно-практической конференции. Иркутск. 2020.
2. Баев О.Я. Конфликты в деятельности следователя. Воронеж, 2022.
3. Дулов А.В. Судебная психология. М., 2019.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер.закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. Правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Филиппов А.Г. Криминалистика углубленный курс. М., 2022.
6. Образцов В.А. Криминалистика. М., 2021.
7. Анищенко И.А. Криминалистика: учебник. Минск, 2022.

© Болдырева Э.А., 2024

УДК 343.985.7

МОМЕНТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОПАСНОСТИ И МОМЕНТ ОБНАРУЖЕНИЯ ОПАСНОСТИ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ ПРОИСШЕСТВИИ

Бирук М.С.

Преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

В современном научном мире, к сожалению, так и остается спорным и не решенным однозначно вопрос о раскрытии содержания понятия причинно-следственной связи при дорожно-транспортных преступлениях.

Так, ряд исследователей склонны к излишнему теоретизированию, другие, напротив, лишь к ситуационному подходу, опираясь на ряд частных случаев—примеров [8]. Такое положение дел вполне объяснимо, т. к. существует множество различных видов преступлений на транспорте, совершенных с нарушением правил дорожного движения, особенно в случае установления обоюдной формы вины нескольких участников дорожного движения. Однако практикующие органы предварительного следствия нуждаются в выработке четких, однозначных к применению норм оценивания наличия факту причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствия в результате нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств [5]. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [7] обращает внимание на то, что уголовная ответственность за рассматриваемое нами преступление может наступать лишь в случае, если наступили последствия, предусмотренные диспозицией статьи, и эти последствия находятся в причинной связи с допущенными лицом нарушениями Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Кроме этого, обращается внимание на то, что при исследовании причин создавшейся аварийной обстановки, следует учитывать, какие конкретно пункты Правил дорожного движения нарушены и какие нарушения состоят в причинной связи с наступившими последствиями. Таким образом, устанавливая наличие причинно-следственной связи, в первую очередь необходимо выяснить: имело ли место нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств в деянии. Если в действиях водителя отсевают указанные нарушения, то не может исследоваться и вопрос о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между действиями водителя и наступившими последствиями.

Из определения понятия причинно-следственной связи с точки зрения философии права следует, что причинно-следственная связь — это такая «генетическая связь явлений, в которой одно явление (причина) при наличии

определенных условий неизбежно производит, порождает, вызывает к жизни другое явления, называемое следствием (или действием)» [7]. Таким образом, причинно-следственная связь должна соответствовать признаку прямого, неизбежного производства общественно-опасных последствий, при этом под неизбежностью следует понимать, что никакие действия участников дорожного движения уже не могут изменить ход развития событий и отменить наступление общественно-опасных последствий. Для более точного уяснения содержания причинно-следственной связи при ДТП необходимо обратиться к самому механизму ДТП. Из анализа разнообразных подходов к определению понятия механизм ДТП [8], делаем вывод, что механизм ДТП – это совокупность определенных условий, а также действий участников дорожного движения, которые показывают процесс развития во времени и пространстве дорожной ситуации от момента возникновения опасности для движения до момента наступления общественно-опасных последствий возникшей дорожной ситуации. Таким образом, резюмируем, что любое ДТП представляет собой логическую цепочку взаимосвязанных процессов, при этом возникающих в следующей последовательности:

Этап № 1. Опасная ситуация – возникновение опасности для движения (абз. 28 п. 1.2. Правил дорожного движения), т. е. возникновение ситуации в процессе дорожного движения, при которой продолжение движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу возникновения ДТП. Возникновение опасной ситуации требует от водителя в императивном беспелляционном порядке выполнить требования п. 10.1 ПДД РФ («принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки») [4].

Этап № 2. Логическая трансформация опасности для движения в аварийную ситуацию: с момента возникновения аварийной ситуации дальнейший ход развития дорожного движения не зависит от действий его участников и можно охарактеризовать как неконтролируемое движение участников дорожного движения, управляющих транспортными средствами.

Этап № 3. Поставарийная ситуация (наступление последствий).

На основании изложенного наглядно видно, что оценивать действия водителя по предотвращению возникновения третьего этапа в развитии

механизма ДТП путем выполнения требований ПДД. Например, п. 10.1 ПДД РФ, необходимо только на этапе возникновения и развития опасной ситуации до ее перерастания в аварийную. Полагаем, что только на этапе развития опасной обстановки, с учетом анализа особых сопутствующих и обязательных условий можно сделать вывод о наличии прямой причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями. В указанный временной интервал и вписываются общие юридические обязанности для всех участников дорожного движения, запрещающие создание опасности для движения, а также предусматривающие обязательные меры по предотвращению ДТП: п. 1.3, 1.5, 10.1 ПДД РФ, а при маневрировании еще и п. 8.1 ПДД РФ.

К таким особым условиям относится наличие технической возможности у водителя предотвратить ДТП, момент возникновения опасности и момент обнаружения опасности водителем, а сопутствующими к ним, конечно же, являются дорожная обстановка, условия погоды, обзорность с места водителя и т. д. К сожалению, в последнее время за 2022–2023 гг. у практикующих следователей (на примере Республики Крым) наметилась негативная тенденция, с которой сложно согласиться: квалифицировать совершенное дорожно-транспортное происшествие в виде наезда на пешеходов на нерегулируемых пешеходных переходах как преступление при установлении лишь нарушения пункта ПДД РФ (водитель не принял экстренного торможения, абз. 1 п. 10.1 ПДД РФ) и фиксацией наступивших последствий, не задаваясь вопросом об установлении наличия у водителя технической возможности предотвратить ДТП, т. е. следователи, игнорируя, что диспозиция ст. 264 УК РФ предусматривает материальный состав преступления для любого вида механизма ДТП, по своим необоснованным критериям выделяют из общего числа видов механизмов ДТП (столкновение, опрокидывание, наезд на препятствие и т. д.), являющихся материальными составами, наезд на пешеходов на нерегулируемом пешеходном переходе как какой-то особый, «очевидный», «легкий», по-видимому, не требующий никакого производства расследования. Привлекают водителей к уголовной ответственности по соответствующей части ст. 264 УК РФ, прямо игнорируя разъяснения,

содержащиеся в п. 1, 5–7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», и закрепляющих, что «уголовная ответственность по ст. 264 УК РФ наступает, если у водителя имела техническая возможность избежать ДТП и между его действиями и наступившими последствиями установлена причинная связь».

Так, Л. органом предварительного следствия обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, заключающегося в том, что он, не допуская превышения скоростного режима, не выполнил требования п. 10.1 ПДД РФ и совершил наезд на пешехода, пересекавшего нерегулируемый пешеходный переход слева направо по ходу его движения, чем причинил потерпевшему тяжкий вред здоровью. При этом в ходе предварительного следствия по уголовному делу проведена не одна судебная автотехническая экспертиза, выводы каждой из которой сводились к тому, что водитель с технической точки зрения не располагал возможностью предотвратить ДТП и в действиях водителя Л. несоответствия требованиям ПДД РФ с технической точки зрения не усматривается. Однако, несмотря на это, орган предварительного следствия предъявил лицу обвинение, прокурор утвердил обвинительное заключение (что свидетельствует о какой-то общей единой позиции в этом вопросе стороны обвинения) и дело поступило в суд на рассмотрение, 22 июня 2023 г. был вынесен оправдательный приговор, который вступил в законную силу. Из содержания приговора следует, что суд принял решение о невиновности водителя, основываясь не на новых доказательствах, полученных в ходе судебного разбирательства, а на тех же доказательствах, добытых в ходе досудебного производства по делу и исследованных судом в установленном порядке в ходе судебного заседания, обосновывая, что у водителя отсутствовала техническая возможность предотвратить ДТП и, следовательно, сама прямая причинно-следственная связь [6]. К сожалению, подобный оправдательный приговор по аналогичному механизму ДТП и аналогичному игнорированию необходимости устанавливать

наличие технической возможности у водителя предотвратить ДТП по Республике Крым не единичный за 2023 г., но на другие ссылаться в настоящее время в нашей работе не корректно, поскольку еще не вступили в законную силу, при этом подобные приговоры имеются и в других субъектах Российской Федерации.

Поэтому целесообразно подробно разобраться в содержании указанных выше обязательных сопутствующих условиях опасной обстановки: момент возникновения и момент обнаружения опасности, техническая возможность. ПДД РФ в п. 10.1 четко предусматривают, что водитель при возникновении опасности для движения, которую может увидеть, должен снизить свою скорость вплоть до полной остановки транспортного средства, т. е. законодатель сам четко определяет:

- 1) различные моменты возникновения опасности и обнаружения этой опасности водителем;
- 2) предусматривает обязанность водителя действовать в соответствии с ПДД с момента обнаружения им такой опасности.

Именно от определения этого момента зависит то, в какой обстановке оказался водитель – опасной или аварийной и мог ли он путем снижения скорости, экстренного торможения или маневра избежать ДТП. Под моментом возникновения опасности для движения понимают ситуацию, при которой для предотвращения происшествия водитель должен принять меры к снижению скорости или остановки транспортного средства [2], а момент обнаружения опасности – временной и пространственный момент, когда возникшая опасная ситуация могла стать очевидной, т. е. обнаруженной самим водителем. Например, появление пешехода на нерегулируемом пешеходном переходе – момент возникновения опасности для водителей, при этом время обнаружения пешехода (временной момент) водителем и на каком расстоянии он мог быть обнаружен водителем (пространственный момент) будут различны в зависимости от разных условий: пешеход, например, выходит из-за препятствия (припаркованного вдоль дороги транспортного средства) или же при отсутствии каких-либо помех. В каждом конкретном случае момент обнаружения опасности для движения индивидуален и должен учитываться с

учетом особенностей дорожной обстановки, условий видимости и обзорности с места водителя, наличия или отсутствия впереди идущих транспортных средств, препятствий, поведения иных участников дорожного движения, количества полос для движения, организации пешеходных переходов, угол движения пешехода относительно транспортного средства и т. д.

Таким образом, момент возникновения опасности и момент ее обнаружения водителем не всегда совпадают, что существенно влияет на необходимость установления причинно-следственной связи исключительно с момента обнаружения водителем таковой опасности. Рассматривая такой механизм ДТП как наезд на пешехода, автор приходит к выводу, что моментом возникновения опасности для водителя всегда будет выход пешехода на проезжую часть при ее пересечении, а вот момент обнаружения такой опасности водителем различен, кроме того, такой момент различен и при обнаружении пешеходом и водителем. Например, при пересечении в темное время суток нерегулируемого пешеходного перехода или же проезжей части в непредусмотренном для этого месте, возможность обнаружения пешеходом опасности для себя в виде приближающегося транспортного средства с включенным светом фар намного больше (равна примерно всему участку дороги прямолинейного движения автомобиля в сторону пешехода), чем водителем автомобиля. Кроме того, следует учитывать, что момент обнаружения опасности при механизме ДТП с участием нескольких водителей или же «водитель – пешеход» может быть различным не только с точки зрения момента возникновения опасности, но и с точки зрения разных участников одного и того же ДТП.

Например, в довольно распространенной ситуации: пересечение регулируемого перекрестка, на котором расположен светофорный объект, при повороте транспортного средства налево, в момент последних секунд действия, разрешающего мигающего зеленого сигнала (что свидетельствует о скором переключении на запрещающий сигнал светофора и предполагает возможность выезда на перекресток транспорта в поперечном направлении и выхода пешеходов, переходящих проезжую часть). Момент обнаружения опасности не

только не совпадает с моментом возникновения опасности, но и различен у различных водителей в одной и той же дорожной ситуации (см. рис. 1).

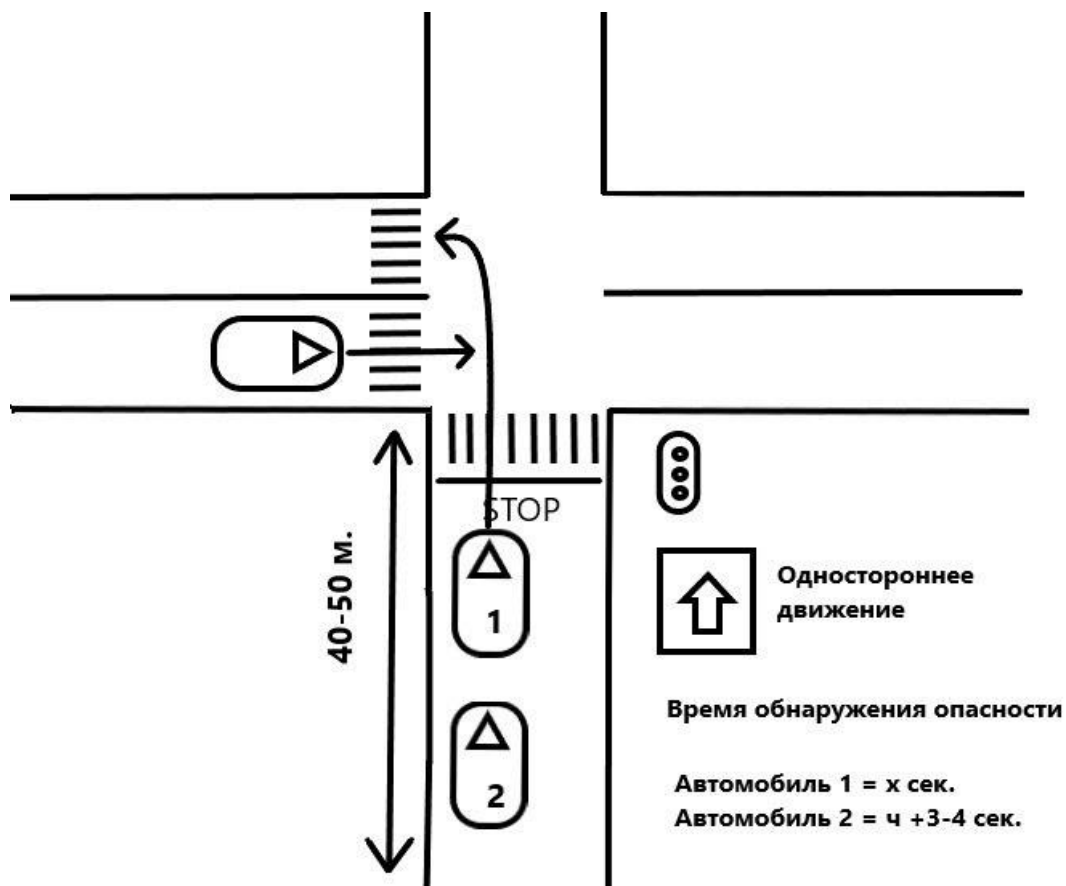

Рисунок 1.

В данном случае водитель транспортного средства № 2, который приближается к регулируемому перекрестку, может обнаружить опасность для движения в момент включенного мигающего сигнала светофора, на расстоянии более 40–50 м, а водитель транспортного средства № 1, который ожидает разрешающего сигнала светофора, чтобы покинуть перекресток в режиме левого поворота, имеет возможность обнаружить ту же опасность для движения, что и водитель транспортного средства № 2, но уже непосредственно в момент выезда встречного автомобиля на перекресток, если он осуществлен после переключения зеленого мигающего сигнала светофора.

Путем несложных математических исчислений понятно, что если меняется расстояние, то меняется и время. В приведенном выше примере очевидно, что время обнаружения опасности и, следовательно, время для осуществления предусмотренных ПДД РФ мер по предотвращению ДТП

(например, абз. 1 или 2 п. 10.1 ПДД РФ) для водителя транспортного средства № 2 будет больше, чем для водителя транспортного средства № 1, как минимум на время работы зеленого сигнала светофора в мигающем режиме, т. е. примерно на 3–4 с, что имеет существенное и огромное значение в оценке действий водителя, поскольку характеризует такой важнейший показатель для установления наличия причинно-следственной связи как наличие технической возможности у водителя предотвратить ДТП.

Таким образом, для верной квалификации совершенного дорожно-транспортного происшествия как преступления необходимо в каждом случае устанавливать и момент возникновения опасности, и момент обнаружения водителем опасности и только из момента обнаружения водителем опасности делать вывод о наличии у него технической возможности предотвратить ДТП, например, наезд на пешехода.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Кристи Н.М. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы. М., 1971.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Бирук М.С. Проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений на первоначальном этапе / Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: Материалы Всеросс. научно-практ. конф.. Краснодар, 2022.

5. Бирук М.С., Самородский Е.О. Автотехническая экспертиза и следственный эксперимент: неотъемлемые орудия следователя в сборе оснований для возбуждения уголовного дела по признакам состава

преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ // Евразийский юридический журнал. 2023 г. № 3.

6. Приговор Ялтинского городского суда Республики Крым от 22.06.2023 по делу №1-178/2023. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Оруджев З.М. Временная структура причинной связи // Философские науки. 1969. № 6.

8. Чучаев А.И., Пожарский А.Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: монография. М., 2018.

© Бирук М.С., 2024

УДК 343.139

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Гриценко Т.В.

Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Ростовского филиала Российской таможенной академии
кандидат юридических наук

Анализ теоретических аспектов оснований и условий прекращения уголовного дела (далее – УД) или уголовного преследования (далее – УП) с назначением судебного штрафа (далее – СШ) показал поливариативность подходов и ученых и практиков к определению того, какие все же из обстоятельств, прописанных в ст. 25.1 УПК РФ и в ст. 76.2 УК РФ, следует именовать «основаниями», а какие – «условиями» прекращения УД (УП) с назначением СШ. Происходит это ввиду того, что в законе отсутствуют какие-либо указания по этому вопросу. В ч. 1 ст. 446.2 УПК РФ указано: «суд вправе прекратить уголовное дело с назначением судебного штрафа по основаниям, закрепленным в ст. 25.1 УПК РФ». В ст. 25.1 УПК РФ и 76.2 УК РФ имеется

указание на ряд обстоятельств, требуемых и достаточных, чтобы прекратить УД (УП), назначив СШ:

- а) совершение преступления впервые небольшой или средней тяжести;
- б) возмещение причиненного преступлением ущерба или заглаживание вреда иным образом.

В других нормах УПК РФ имеется указание на дополнительные обстоятельства, выполнение которых требуется для принятия решения о прекращении УД (УП) с назначением СШ:

- а) решение о прекращении УД (УП) может быть принято в отношении лица, имеющего статус подозреваемого или обвиняемого;
- б) согласие обвиняемого (подозреваемого) на прекращение УД (УП);
- в) дискреционный характер полномочий следователя (дознателя) инициировать, а суда – прекратить УД (УП) с назначением СШ;
- г) согласие руководителя следственного органа (прокурора) с решением (ходатайством) следователя (дознателя) о прекращении УД (УП).

Какие из данных обстоятельств следует оценивать как основания и как условия прекращения УД (УП) – в правовых актах не разграничивается [1].

В судебной практике наблюдается терминологическая непоследовательность: в одном случае то или иное обстоятельство или их группа именуются «основаниями», в других случаях те же обстоятельства именуются «условиями» [2; 3].

Это вызвало наличие различных взглядов на решение данных вопросов в научной среде.

Обоснованной представляется позиция С.В. Анощенковой, сообразно которой основаниями прекращения УД (УП) с назначением СШ являются «материальные (поведенческие) формы позитивного посткриминального поведения лица: возмещение ущерба или иным образом заглаживание вреда» [4]. В системе вышеуказанных обстоятельств, требуемых для прекращения УД (УП) с назначением СШ данное обстоятельство является тем главным, к чему побуждает законодатель обвиняемого. Именно при выполнении им данных – главных – действий допустимо принятие альтернативного решения по УД. Все

остальные обстоятельства являются условиями, но не основаниями прекращения УД (УП) с назначением СШ.

Для обозначения проблемных аспектов правового регулирования оснований прекращения УД (УП) с назначением СШ – «возмещения ущерба или иным образом заглаживания вреда» – автором были изучены рандомно отобранные постановленные в период 2020–2024 гг. судебные решения (в количестве сорока) по теме настоящей научной статьи.

Решения кассационных судов распределились следующим образом: во всех двадцати решениях (100 %) имелись указания на нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, связанные с неверной оценкой судами первой и апелляционной инстанций требования «возмещения причиненного преступлением ущерба или заглаживания вреда иным образом»; в трех из них (15 %) – дополнительно имелись указания на нарушения, связанные с соблюдением условия «совершение преступления впервые»; еще в трех (15 %) – дополнительно указывалось, на недопустимость применения норм о СШ к коррупционным преступлениям и преступлениям, последствием которых явилась смерть потерпевшего, ввиду несоразмерности примененного обвиняемым «заглаживания вреда» тяжести наступивших последствий.

Если говорить об ошибках в оценке судами именно оснований прекращения УД (УП) с назначением СШ, то наибольшие трудности у судов возникают по делам о преступлениях:

- с формальным составом, когда общественно опасные последствия не охватываются составом, не являются обязательными для привлечения к уголовной ответственности;
- направленных против интересов государства и общества, в том числе, о двухобъектных и многообъектных преступлениях, когда интересы государства и общества выступают основным или дополнительным объектом деликта.

Разная оценка возможностей применения ст. 25.1 УПК РФ по данным делам наблюдается и в научной литературе. Опираясь на буквальное толкование норм, содержащихся в ст. 25.1 УПК РФ и 76.2 УК РФ, некоторые

ученые пишут о том, что прекращению УД с назначением СШ подлежат исключительно УД о преступлениях с материальным составом, в которых есть потерпевший – конкретное физическое или юридическое лицо [5]. Другие высказывают менее категоричные позиции, допуская возможность прекращения УД с назначением СШ также по УД о преступлениях с формальным, двухобъектным составами, однако только в тех случаях, когда вред не только конкретному потерпевшему, но также обществу и государству может быть заглажен теми или иными предпринятыми обвиняемым (подозреваемым) действиями [6]. Я.А. Климова по итогам изучения судебных решений о прекращении УД с назначением СШ указывает на непоследовательность судов в принятии таких решений по делам о преступлениях с формальным составом: в одних случаях суды прекращают такие УД и в отсутствие заглаживания вреда; в других случаях – отказывают в прекращении УД ввиду того, что по основанию ст. 25.1 УПК РФ могут прекращаться только УД, повлекшие причинение вреда [7].

Споры по рассматриваемым вопросам частично позволили разрешить Определение Конституционного Суда РФ: «различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда», значит и «действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния» [8].

Изучение судебной практики показало также, что преимущественно решения судов первой инстанции о прекращении УД (УП) оспариваются прокурорами, потерпевшие в основном занимают индифферентную позицию: только по одному из изученных судебных решений кассационное производство было инициировано потерпевшим, не согласным с решением о прекращении УД с назначением СШ.

Изложенное позволяет сделать выводы:

– о допустимости прекращения УД с назначением СШ по УД о любом преступлении, независимо от конструкции его состава и особенностей объекта уголовного посягательства;

– суть действий по возмещению ущерба или заглаживанию вреда предопределяется именно особенностями объекта преступного посягательства, эти действия должны быть направлены на нейтрализацию именно негативных последствий, ставших следствием его преступного деяния;

– предпринятые обвиняемым (подозреваемым) действия должны быть достаточными для признания судом факта снижения степени общественной опасности деликта.

При применении норм о СШ по делам о преступлениях с формальным составом сложности возникают с тем, какие именно посткриминальные действия необходимо выполнить обвиняемому (подозреваемому) для того, чтобы суд счел их как в достаточной мере свидетельствующие о снижении общественной опасности совершенного деликта. По делам о таких преступлениях, которые фактически не повлекли наступление какого-либо реального вреда, а только лишь поставили те или иные общественные отношения под угрозу такового, нет законных противопоказаний к прекращению их по основанию ст. 25.1 УПК РФ. Это подтверждает также изученная судебная практика.

Следует согласиться с учеными, считающими неверным применять нормы о СШ «при отсутствии возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, причиненного преступлением» [9]. При этом усматривается пробельность в регламентации возможных положительных действий обвиняемого (подозреваемого) по данному виду УД.

По делам о преступлениях, не причинивших какого-либо вреда, и которые соответствуют остальным условиям для прекращения УД с назначением СШ, должен быть выработан четкий алгоритм требуемых от обвиняемого (подозреваемого) положительных послепреступных действий. В этом вопросе интересен опыт Республики Казахстан: с 2018 года там действует Фонд компенсации потерпевшим, в котором аккумулируются помимо средств из иных источников суммы так называемых «принудительных платежей». Законодательно определены категории потерпевших, имеющих право на компенсационные выплаты из данного Фонда [10].

«Принудительный платеж» в Казахстане имеет отличную от российского СШ правовую природу, т. к. взимается не только с лиц, в отношении которых УП прекращается по не реабилитирующему основанию, но также с каждого осужденного, однако в законе Республики Казахстан он регламентируется, также как и СШ в российском уголовно-процессуальном законе, в числе «иных мер уголовно-правового воздействия» (в России аналогичная группа мер именуются иными мерами уголовно-правового характера). В соответствии со ст. 98–1 и 98–2 УК Республики Казахстан, принудительные платежи взыскиваются «в целях защиты прав и законных интересов потерпевших с виновного лица, совершившего уголовное правонарушение», в фиксированной сумме, пропорционально категории совершенного уголовного правонарушения [11].

Полагаем, данный апробированный в Казахстане механизм аккумуляции взыскиваемых «принудительных платежей» и последующего распределения данных средств на компенсацию причиненного преступными действиями вреда потерпевшим следует заимствовать и адаптировать в нашем государстве, он представляется эффективным и востребованным, поскольку:

- во-первых, позволяет решить вопрос, каким единообразным способом виновные лица могут минимизировать степень общественной опасности совершенного деликта;
- во-вторых, частично разрешает проблему возмещения ущерба потерпевшим, весьма остро обозначенную в нашем государстве.

Литература

1. Гриценко Т.В. Правовая природа и место судебного штрафа в системе оснований прекращения уголовного преследования (дела) // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2023. №3 (52).
2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Анощенко С.В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2017. № 7.

5. Ворожцов С.А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Мировой судья. 2017. № 11.

6. Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7.

7. Климова Я.А. Прекращение уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа: проблемы правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2257-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6.

10. О Фонде компенсации потерпевшим: закон Республики Казахстан от 10.01.2018 № 131-VI (с изменениями по состоянию на 09.06.2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 05.03.2024).

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан: федер. закон от 03.07.2014 № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.05.2024). [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 05.03.2024).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Диденко Н.С.

Начальник кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент

Сегодня органы предварительного следствия МВД России, основываясь на многолетнем опыте существования и обладая огромным потенциалом эффективного выполнения задач и расследования уголовных дел любой сложности, обеспечивают законность на досудебной стадии уголовного судопроизводства, соблюдение прав его участников, полноты предварительного расследования и достаточности собранных доказательств. И, не смотря на то, что праздник имеет неофициальный статус, его в первую очередь отмечают ветераны, которые сегодня делятся с молодыми следователями богатым профессиональным опытом, передавая славные традиции добросовестного отношения к делу.

Уголовное судопроизводство является исторически изменчивым правовым явлением, что обуславливает постоянный поиск наиболее рациональных и целесообразных процессуальных форм. Одним из направлений развития уголовно-процессуального права является решение проблемных вопросов, которые могут возникать в связи с изменением общественных отношений; изменением системы правового регулирования.

Безусловно, в настоящее время существует множество проблем в части деятельности органов предварительного расследования и порядка их реформирования, сводящихся лишь к различным организационным, оргструктурным изменениям, появлению или упразднению каких-либо ведомств. По нашему мнению речь должна идти о разноплановых и вместе с тем системных мероприятиях, предполагающих: концептуальную проработку

реформы следствия; упорядочение объекта, предмета следственной деятельности и самой следственной процедуры; рационализацию организационно-управленческих структур предварительного расследования; оптимизацию системы общественного и государственного контроля за следствием; усовершенствование взаимоотношений органов следствия и прокуратуры; внесение корректив в механизм взаимоотношений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия; оптимизацию взаимоотношений следствия с судебной властью; реализацию комплекса мер, направленных на подъем профессионального уровня работников следствия, повышение их общей и правовой культуры, создание оптимальных условий их труда; достойное денежное содержание.

Говоря о проблемах функционирования органов предварительного расследования в современных условиях, важно обратить внимание именно на практическую составляющую. В современных реалиях сотрудникам органов внутренних дел, а конкретно сотрудникам, осуществляющим предварительное следствие, приходится сталкиваться с несовершенной системой организации службы, недоработанной техникой борьбы с преступностью и другими проблемами организации предварительного следствия. Труды многих ученых-процессуалистов направлены на поиск возможностей улучшения условий службы, структуризацию деятельности сотрудников и поиск путей развития предварительного следствия.

13 мая 2024 г. Министр внутренних дел РФ В.А. Колокольцев прибыл в Совет Федерации на заседание комитетов для проведения консультаций на рассмотрение назначения на должность. В ходе обсуждения вопросов В.А. Колокольцев сделал акцент на том, что ситуация с некомплектом личного состава МВД в России усугубилась за последние годы. В отдельных регионах и районах недостаток достигает 90 %.

По словам Министра, на сегодняшний день некомплект личного состава в органах внутренних дел в среднем по всем регионам России составляет 152 тысячи человек, а непосредственно в следственных подразделениях – 21 %.

Основными причинами острой нехватки сотрудников Колокольцев назвал низкие зарплаты и недостаточный уровень социальных гарантий. Он отметил,

что после реформы социальные льготы для сотрудников МВД монетизировали, но не индексировали выплаты много лет. В результате покупательская способность на зарплаты сотрудников полиции сократилась на 45 %, и прошлогодняя прибавка в 10 % проблему не решила.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу, стоит обозначить еще ряд основных проблем, которые существуют у сотрудников органов предварительного следствия и предпримем попытку нахождения путей их решения.

1. Создание и внедрение в практику борьбы с преступностью в ходе предварительного расследования автоматизированных информационно-поисковых систем (далее АИПС) неизбежно повлекли более активную разработку новых и совершенствование имеющихся методов и средств собирания следов преступлений, подготовки используемых в АИПС сравнительных материалов. Проблема заключается в том, что немногие сотрудники имеют должную квалификацию по использованию систем АИПС, поэтому деятельность по раскрытию преступлений недостаточно эффективна и структурирована, наблюдается узкий кругозор и низкий уровень подготовленности не только следователей, но и оперативников, дознавателей и др., именно этот факт необходимо контролировать и исключать.

2. Одной из наиболее важных проблем считается разрозненность электронных систем сбора генетических данных (как минимум отпечатки пальцев), в Федеральном законе «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» был урегулирован процесс формирования и использования Федеральной базы данных геномной информации (далее – ФБДГИ) и именно более квалифицированное и качественное использование данных базы поможет упростить работу следственных подразделений в ОВД.

3. Помимо ранее изложенных проблем выделяют такую проблему, как несовершенная организация предварительного следствия. В ходе производства по делу следователи должны грамотно обеспечивать и защиту прав и законных интересов потерпевшего, а также эффективно осуществлять свои обязанности. Заостряя внимание на всем перечисленном выше необходимо отметить, что это небольшой перечень проблем предварительного следствия.

Если более детально изучить ситуацию, то можно выявить более широкий круг недочетов и несовершенств в системе. На каждой стадии уголовного процесса есть свои нюансы, которые в перспективе могут стать причиной больших проблем, именно поэтому крайне необходимо с этим бороться и искать пути решения данных вопросов.

В предварительном следствии тоже немало положительных сторон, которые наглядно показывают, что есть возможность грамотно и качественно реализовать защиту прав и свобод человека и гражданина. Перспективы наблюдаются в области кадровой составляющей, т. к. многих сотрудников органов внутренних дел направляют на обучение, в ходе которого повышается их квалификация в области их деятельности. Именно этот факт поможет более эффективно и быстро осуществлять предварительное следствие по уголовным делам и направлять их в суд. Повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел в области использования автоматизированных информационно-поисковых систем поможет быстро увеличить уровень раскрываемости преступлений, а также поспособствует облегчению работы предварительного следствия. Также немаловажной перспективой развития органов расследования выделяется усиление прокурорского надзора и ведомственного контроля за соблюдением законодательства в ходе предварительного следствия. Именно контроль за следствием поможет добиться максимальной объективности расследования, а также исключит обвинительные уклон работы следователя и дознавателя. Следователи должны быть наделены полномочиями конкретно расследования, а прокурор – надзора. Только тогда уголовный процесс сможет быть объективным.

В настоящее время вся система предварительного следствия является несовершенной. Крайне важно разрабатывать программы, принимать определенные нормативно-правовые акты, стабилизировать ситуацию в ОВД и увеличивать контроль за соблюдением законодательства, что приведет к улучшению качества и эффективности работы следственных органов. Соблюдение уголовно-процессуального закона поможет избежать нарушений прав и свобод человека, но на этом нельзя остановиться, необходимо добиваться совершенства. Также необходимо искать равновесие, а именно

исключать обвинительный уклон в следствии. Все выше сказанное поможет более детально разобраться в этом вопросе и найти подход к решению проблем в предварительном следствии, а также рассмотреть перспективы его развития и совершенствования.

Литература

1. Белякова А.В., Воскобитова Л.Л., Габова А.В. Проблемы развития процессуального права России. Монография. М., 2016.
2. Якимович Ю.К. Насущные проблемы науки Уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета № 354. Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2012.
3. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: федер. закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Белов О.А. «Повышение эффективности и перспективы развития информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений» // Актуальные проблемы Российского права. 2007. № 2.

© Диденко Н.С., 2024

УДК. 343.12:004

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Карягина О.В.

Доцент кафедры уголовного права и процесса
Таганрогского института управления и экономики,
кандидат юридических наук, доцент

Цифровизация уголовного судопроизводства «неизбежный» процесс в современной действительности. В настоящее время нет единого подхода правоведов к значимости технических и иных информационных средств при

проведении расследования преступления или проверки материала по делу, в виду чего полагаем, что необходимо совершенствовать данное направление. Для уяснения целесообразности внедрения цифровых технологий на всех этапах расследования уголовного дела, на наш взгляд, необходимо обратиться к зарубежному опыту, а также изучить нормы, которые уже введены в действующее уголовно-процессуальное законодательство и активно применяются на практике.

Цифровизация уголовного судопроизводства – процесс не случайный, а связан принятием основных государственных программ.

Так, Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ в уголовно-процессуальный кодекс РФ введена ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве».

09 мая 2017 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.», где в качестве одной из важнейших задач, которые были определены перед государством как приоритетные, в частности, было обозначено – использование российских информационных и коммуникационных технологий в органах государственной власти Российской Федерации, компаниях с государственным участием, органах местного самоуправления.

28 июля 2017 г. была утверждена правительственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», направленная на повышение конкурентоспособности страны, качества жизни граждан и призванная обеспечить экономический рост и национальный суверенитет. Развитие технических средств и «цифровых технологий» определяет целесообразность внедрения информационных технологий, их применение и использование в уголовно-процессуальной деятельности, с учетом эффективности.

В соответствии с положениями ФЗ РФ от 30.12.2021 г. № 501-ФЗ, определены порядок проведения допроса, очной ставки и опознания посредством видео-конференц-связи (ст. 189.1 УК РФ), далее ВКС.

В соответствии с положениями ФЗ РФ от 29.12.2022 г. № 610-ФЗ определены порядок участия в судебном заседании путем использования систем ВКС (ст. 241.1 УПК РФ) и особенности производства допроса и иных

судебных действий путем использования систем ВКС (ст. 278.1 УПК РФ).

В соответствии с положениями ФЗ РФ от 25.12.2023 № 672-ФЗ внесены существенные дополнения в ст. 474.2 УПК РФ.

Однако, впервые в уголовно-процессуальное законодательство была внедрена возможность использования цифровых технологий еще в конце 2010 г. В соответствии с положениями ФЗ РФ от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ была введена гл. 45.1. «Производство в суде апелляционной инстанции», в частности, в положениях ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ было закреплено право участвовать в судебном заседании, путем использования систем ВКС осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционной жалобы в судебном заседании.

Таким образом, в настоящее время использование цифровых технологий возможно на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. Вместе с тем, на стадии возбуждения уголовного дела, такая возможность отсутствует, несмотря на то, что назрела серьезная необходимость внедрения цифровых технологий и в данную стадию, при том, что в настоящее время имеются соответствующие технические возможности.

Для обоснования своей позиции, обратимся к зарубежному законодательству.

Анализ опыта ФРГ дает возможность выявить определенные тенденции, связанные с пониманием потенциала цифровых технологий для построения системы уголовного судопроизводства. Представим некоторые аспекты более подробно.

В ФРГ предусмотрена возможность направления сообщения о преступлении посредством онлайн-сервиса (Onlinewache), вместе с тем сохранена возможность обращения в устной и письменной форме в органы полиции (§ 158 УПК ФРГ). Данный сервис позволяет подать обращение в полицию из медицинского учреждения, дома, с любого мобильного устройства, подключенного к Интернету. Для этого заявитель должен заполнить заявление о преступлении (бланк), который размещен в специально созданной отдельной опции на сайте полиции федеральной земли. Подписывать такое

заявление не требуется. Однако для того, чтобы идентифицировать обратившегося, используется его личный кабинет или IP-адрес. При этом возможно подать заявление анонимно, однако только о преступлениях коррупционной направленности.

Таким образом, следует отметить, что уголовно-процессуальное право ФРГ использует цифровые технологии только как средства, которые позволяют надлежащим образом зарегистрировать и быстро передать информацию, которая имеет юридическое значение. Можно сказать, немецкие правоведы высказывают общее мнение о том, что введение технических средств в уголовное судопроизводство вносит элементы новизны в ряд процедур без изменения правовой природы последней [1].

В ряде зарубежных стран (Литва, Израиль, Казахстан, Швейцария и др.) имеется возможность направить сообщение о преступлении через сайт полиции или через портал государственных услуг онлайн.

В Польше, Беларуси, Франции, России и ряде других стран отсутствует возможность подачи заявления о преступлении посредством цифровых технологий.

Каким же образом разрешаются вопросы об идентификации заявителя в разных странах? Данный вопрос имеет существенное значение. В случае, если не будет достоверной информации о заявителе, подающем сообщение о преступлении, то будет высока вероятность того, что заявитель сможет подать о себе ложные сведения. Например, в Великобритании, Австралии, Японии, Новой Зеландии, Германии отсутствуют требования о необходимой идентификации личности. Для этого достаточно сообщить свои анкетные данные, адрес, номер телефона и данные электронной почты [2].

В Казахстане для идентификации личности достаточно номера телефона, по которому лицо сообщает информацию о преступлении. Однако это скорее исключение из правил, поскольку большинство в основном осуществляет указанную идентификацию при использовании учетной записи на портале государственных услуг.

В Сингапуре используется учетная запись SingPass, которая является прообразом российской Единой системы идентификации и аутентификации

(далее – ЕСИА), посредством которой осуществляется идентификация обратившегося лица.

Интересен опыт Австралии, где имеется большое количество способов обращения с заявлением о преступлении онлайн. Лицо вправе обратиться с заявлением о преступлении либо через специальный сайт, либо через разработанное мобильное приложение (SAPOL). Если же заявитель имеет ограничения по здоровью, в частности у него имеется нарушение слуха, нарушение речи, то он имеет возможность обратиться в полицию через видео звонок используя веб-сайт Национальной службы ретрансляции (NRS).

Однако, на наш взгляд, имеется и отрицательный опыт применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. В Дании предусмотрена возможность обратиться в полицию через сайт, а также через специальную цифровую платформу Borger. Важно отметить, что данные цифровые платформы обязательны для использования в случае обращения с заявлением о краже велосипеда. С учетом законодательных требований, обращение заявителя по такого рода преступлениям, возможно только посредством цифрового обращения и заявитель не имеет возможности лично обратиться в полицию устно или письменно.

Полагаем, что введение такого рода ограничений является незаконным и необоснованным. В настоящее время в литературе появился новый термин – «цифровое неравенство», под которым понимается расслоение общества и государств по возможности получать и использовать информацию, передаваемую с помощью новых информационно-коммуникационных технологий [3].

Вместе с тем, данный зарубежный опыт заслуживает внимания, поскольку, по нашему мнению, целесообразно законодательно закрепить возможность обращения в правоохранительные органы с заявлением о преступлении в онлайн режиме. Например, в российском уголовно-процессуальном законодательстве возможность подать сообщение о преступлении через сайт полиции или через портал государственных услуг, было бы целесообразно внедрить, например, при утере паспорта. Ведь известно, что даже при небрежном хранении документа, исключаящем его

неправомерное изъятие (кража, грабеж...), человек обязан заявить в полицию для последующего получения нового паспорта, взамен утраченного. Цифровое обращение, в данном случае, существенно сократило бы документооборот в органах правопорядка и упростило данную процедуру.

Анализ источников зарубежной научной литературы, равно как и национальное законодательство, позволяют сделать вывод о том, что среди ученых процессуалистов и правоприменителей на сегодняшний день не сформировалось единообразное мнение о роли технических средств, использующих информацию при производстве уголовно-процессуальных действий.

Фактически никто не отрицает того, что использование технических средств для работы с информацией на всех стадиях уголовного процесса является актуальным, важным и необходимым, вместе с тем есть те, кто остается верными «классическим» процессуальным правилам порядка сбора доказательств по уголовному делу. Однако не оспорим тот факт, что в настоящее время все правоприменители в своей профессиональной деятельности применяют технические средства для получения, хранения и передачи информации.

Отечественная законодательная база постоянно изменяется и расширяется. Цифровые технологии активно внедряются в различные сферы жизнедеятельности государства. Безусловно, положительный опыт зарубежных коллег по использованию цифровых технологий в уголовном процессе требует уяснения и поэтапного внедрения. Считаем, что одним из перспективных направлений цифровизации российского уголовного судопроизводства, будет внедрение цифровых технологий в стадию возбуждения уголовного дела, в том числе, распространение электронной формы подачи сообщения о совершенном или подготавливаемом преступлении.

Литература

1. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его

использования при цифровизации уголовного судопроизводства России. Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (115).

2. Топилина Т.А. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

3. Коротков А.В. Цифровое неравенство в процессах стратификации информационного общества // Информационное общество. 2003. Вып. 5.

© Карягина О.В., 2024

УДК 343.125

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Катрыч А.А.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Наука уголовно-процессуального права состоит из «кирпичиков», которые входят в основу всего уголовного судопроизводства. Несмотря на все старания законодателя гуманизировать нормы уголовно-процессуального права, верховенство берет диспозитивный характер правоотношений.

В подтверждение вышесказанного необходимо обратиться к разъяснению Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, в котором обращается внимание на недопустимость ограничения прав и свобод человека без имеющих на то оснований. Однако важен момент, что ограничения должны быть оправданы публичными интересами и отвечать требованиям справедливости, являться пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей.

В связи с избранием демократичного вектора в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в части касающейся мер пресечения Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ введена ст. 105.1

«Запрет определенных действий». Данная статья была введена с целью соблюдения баланса между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности. Согласно стенограмме обсуждения данного вопроса, законопроект был создан для сокращения количества лиц, содержащихся под стражей.

Неэффективность мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества: проблема, разработка путей решения которой является одной из главных задач современной уголовно-процессуальной системы Российской Федерации. Несмотря на усилия по оптимизации применения не связанных с изоляцией от общества мер пресечения, не смогла сделать залог и домашний арест реальной альтернативой заключению под стражу. Эта ситуация порождает серьезную проблему, которая затрагивает как права подозреваемого и обвиняемого, так и эффективность правосудия в целом. Одним из недостатков существующей системы мер пресечения является отсутствие гуманных эффективных механизмов принуждения к правомерному поведению: залог и домашний арест, не связаны с непосредственным ограничением свободы, не обладают достаточно принудительным эффектом. Несмотря на формальные ограничения, подозреваемый или обвиняемый могут нарушить установленный режим, поскольку отсутствует механизм прямого и оперативного реагирования на нарушения. Так же в случае, когда при избрании меры пресечения не учитываются фактические обстоятельства совершенного преступления, социальная опасность подозреваемого/обвиняемого, а также его реальная возможность исполнять установленные ограничения. Органы предварительного расследования ходатайствуют об избрании заключения под стражу, что, по их мнению, является гарантией не препятствования осуществления правосудия. При этом суд не всегда обращает внимание на то, что в ходатайстве указаны эфемерные основания избрания данной меры пресечения, в связи, с чем возникает риск «формальной» отработки мер пресечения. Наиболее распространенной мерой пресечения, избираемой по решению суда, по-прежнему оставалось заключение под стражу [1]. Это порождало множество социальных и правовых проблем. Заключение под

стражу часто воспринимается как углубление предвзятости к обвиняемым, особенно в случаях, когда они не представляют угрозы для общества. Меры, такие как домашний арест или залог, хотя и предполагают более гуманный подход, на практике сталкиваются с вечерней реальностью: недостаточно жесткие условия смягчают ответственность и риски.

Запрет определенных действий как мера пресечения от исторических корней до современной практики в российском и советском уголовно-процессуальном праве отсутствовал [2]. Однако в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан в ч. 3 ст. 140 можно обнаружить явное сходство со ст. 105.1 УПК РФ. Несмотря на это, существуют существенные различия: в УПК Казахстана эти запреты не выступают в качестве самостоятельной меры, а применяются в качестве дополнения к существующим мерам пресечения.

Следует отметить, что подобные запреты, установленные ст. 105.1 УПК РФ, ранее существовали в российском уголовно-процессуальном законодательстве, но входили в состав домашнего ареста. Впервые в законодательно был введен запрет на управление автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Таким образом, генезис запрета определенных действий можно рассматривать как производный от такой меры пресечения, как домашний арест. При анализе вышеуказанных норм, существуют минимальные различия. Запрет определенных действий является более гибкой и менее ограниченной, чем домашний арест. Однако следует отметить, что данная мера пресечения не является панацеей от всех проблем, связанных с обеспечением эффективного проведения предварительного расследования. В каждом конкретном случае необходимо проводить тщательный анализ ситуации и принимать решение о применении данной меры пресечения с учетом всех ее преимуществ и недостатков.

Как ранее было отмечено, что исключительно новым видом запрета является п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. В связи, с чем возникает совершенно

справедливый вопрос, а нужно ли выделять данную меру пресечения как самостоятельный вид?

Считаем целесообразным последовать примеру Республики Казахстан и применять данные запреты в качестве дополнительных ограничений к избранной мере пресечения. Если проанализировать нормы УПК РФ, то механизм реализации запрета определенных действий подобно принципу Республики Казахстан действует и в Уголовно-процессуальном кодексе России. Так в ч. 8.1 ст. 106 (Залог) и в ч. 7 ст. 107 (Домашний арест) УПК РФ, суд вправе в дополнение залога и домашнего ареста избрать некоторые запреты, установленные в ст. 105.1 (Запрет определенных действий) УПК РФ. По нашему мнению, при таком толковании получается коллизия, фактически избирается две меры пресечения, что противоречит уголовно-процессуальному законодательству.

Ключевым моментом является необходимость обоснования применения меры пресечения: суд должен убедиться, что существует реальная угроза, которая требует этого ограничения. Также важно учитывать баланс интересов – защита прав подозреваемого не должна ущемлять безопасность общества. Эффективное применение мер пресечения требует тщательного анализа обстоятельств дела и соразмерности запрета конкретной ситуации. Правильное использование этой меры способствует поддержанию законности и порядка в обществе.

Немаловажным остается вопрос обеспечения надзора за исполнением меры пресечения в виде запретов определенных действий, в котором в настоящее время существуют весомые проблемы, которые являются следствием не надлежащего контроля. Федеральный орган исполнительной власти, обязанный осуществлять контроль за соблюдением запретов, возложенных на подозреваемых/обвиняемых, испытывают кадровый «голод», что пропорционально приводит к снижению уровня эффективности работы в данном направлении. Как следствие, создает сложности при производстве предварительного расследования, т. к. при низком уровне контроля подозреваемый/обвиняемый может скрыться, может угрожать свидетелям и т. д., что приводит к затягиванию процесса расследования.

Как и любая мера пресечения, запрет определенных действий состоит в психическом и физическом принуждении. Квинтэссенция данной меры пресечения состоит в основном в психическом принуждении, как такой изоляции от общества нет. В условиях отсутствия эффективных механизмов принуждения, подозреваемый или обвиняемый вынуждены руководствоваться внутренней мотивацией, основанной на осознании потенциальных негативных последствий, в том числе использования более строгой меры пресечения [3].

Запрет определенных действий является недостаточно эффективным. Единственным рычагом давления и принуждения к правомерному поведению подозреваемого, обвиняемого является замена на более строгую меру пресечения (ч. 13 ст. 105.1 УПК РФ). Это делает его равноценным подписке о невыезде и надлежащем поведении, не обладающей достаточным принудительным эффектом. При этом логично возникает вопрос в целесообразности и необходимости судебного санкционирования.

Как ранее было отмечено, что некоторые страны не выделяют запрет определенных действий как самостоятельная мера пресечения. Однако встречаются и те, кто следуют примеру нашего законодательства. Например, Законом Республик Беларусь от 06.01.2021 года № 85-З введена ст. 123.1 «Запрет определенных действий». Оригинальными примечательно законодательства Российской Федерации будут являться п. 2, 2.1 ст. 123.1, а именно пребывать в общем с потерпевшим жилком помещении и распоряжаться общей совместной собственностью – для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи либо бывшего члена семьи; предпринимать попытки выяснить место пребывания потерпевшего, иных участников уголовного процесса.

В отличие от ст. 105.1 УПК РФ в УПК Республики Беларусь появляются новые запреты, ранее неизвестные нашему законодательству. По своей сути запреты, установленные ст. 105.1 УПК РФ являются выдержками из ст. 107 УПК РФ, которые существовали до внесения изменений в 2018 г. Перечень запретов, определенных законодателем, является исчерпывающим, однако считаем, если бы законодатель оставил перечень запретительных мер открытым и предусмотрел право суда запретить совершать «иные действия, которые

могут воспрепятствовать производству предварительного расследования», при таком стечении обстоятельств у данной меры пресечения появилась бы своя особенность, делающая ее уникальной, а не производной от домашнего ареста. До 2018 г. при избрании домашнего ареста имелась возможность выбора полной или частичной изоляции от общества, то после принятия ст. 105.1 УПК РФ «Запрет определенных действий» это право убрали, в отличие от запрета определенных действий, которая при самостоятельном использовании не предусматривает изоляцию от общества.

Совершенствование системы мер пресечения в России является необходимым шагом для обеспечения справедливости и эффективности правосудия. Внедрение новых механизмов принуждения, повышения степени дифференциации мер пресечения и разработка системы оценки риска. Существуют проблемы, связанные с действенностью применения данной меры пресечения. На наш взгляд, можно рассмотреть данный вариант решения проблемы заимствованием с незначительной корректировкой. Последовать практике Республики Казахстан и упразднить данную меру пресечения и выделить в качестве отдельной нормы. Сущность, которой будет заключаться в привеске к основным мерам пресечения, к которым суд дополнительно может избрать тот или иной запрет. При этом перечень запретов не трактовать исчерпывающе, а оставить этот вопрос открытым. Как ранее отмечалось дополнить новым пунктом «запрет на совершение иных действий, воспрепятствующих осуществлению предварительного расследования».

Литература

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: архивные данные законопроекта № 900722-6. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/900722-6> (дата обращения: 07.03.2024).

2. Квык А.В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Журнал Уголовный процесс практика успешной защиты и обвинения. 2018. № 7

3. Щерба Т.Л. Запрет определенных действий – новая мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь: материалы Междунар. научно-практ. конф.. Минск, 2021.

© Катрыч А.А., 2024

УДК 343.12

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ И НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Кокорева Л.В.

Профессор кафедры уголовного процесса Московского областного
филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

Предварительное следствие как одна из форм предварительного расследования представляет собой более усложненное производство по уголовному делу. Несмотря на законодательное закрепление и широкое применение проблемы предварительного следствия продолжают оставаться как в теории, так и в практической деятельности. Например, начало предварительного следствия ясно обозначено законодателем и связывают его с моментом вынесения следователем постановления о возбуждении уголовного дела. Относительно окончания предварительного следствия имеется ряд дискуссионных положений. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 158 УПК РФ закреплено, что окончание предварительного следствия осуществляется в порядке, установленном главами 29–31 УПК РФ. Речь о принятии решения о прекращении уголовного дела и о направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору.

В свою очередь, проанализировав правоприменительную практику и главы 50 и 51 УПК РФ, считаем нужным отметить неоднозначность формулировки ч. 1 ст. 158 УПК РФ, которая не содержит исчерпывающего перечня решений, принимаемых по окончании предварительного следствия по уголовным делам. Следователь с согласия руководителя следственного органа, при соблюдении определенных условий, вправе возбудить перед судом ходатайство о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ); вынести постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера (п. 2 ч. 1 ст. 439 УПК РФ).

В целях единообразного применения норм уголовно-процессуального закона считаем целесообразным внесение соответствующих изменений в п. 1 ч. 1 ст. 158 УПК РФ.

Регулярно вносимые изменения в УПК РФ, бесспорно, оказывают влияние на деятельность органов предварительного следствия. Например, выведение следователей из состава органов прокуратуры, образование Следственного комитета РФ, появление нового участника уголовного судопроизводства – руководителя следственного органа и передача ему от прокурора полномочий по процессуальному руководству за деятельностью следователей, исключение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, закрепление нового принципа «разумный срок уголовного судопроизводства», включение в уголовно-процессуальный закон института досудебного соглашения о сотрудничестве, расширение перечня следственных и иных процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении, возможность проведения некоторых следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи и др.

Однако не все нововведения положительно повлияли на правоприменительную практику, а несистемный характер многочисленно вносимых в уголовно-процессуальный закон изменений продолжают негативно сказываться на качестве предварительного следствия.

Обозначим некоторые проблемы, которые отрицательно сказываются на эффективности предварительного следствия:

– недостаточная квалификация следователей. Не все следователи располагают достаточной квалификацией и опытом расследования современных преступлений. Отмечается недостаточное использование следователями доступных методов для качественного сбора доказательств и предъявления обвинения. Зачастую ошибки связаны со сбором доказательств и нарушением прав участников уголовного процесса. К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день имеется и существенный некомплект следователей;

– низкий процессуальный контроль и слабая организация следственной работы. Неэффективная организация работы следственных подразделений, слабый ведомственный контроль за деятельностью следователей приводит к затягиванию сроков расследования, что не может положительно сказаться на процессуальном положении участников уголовного процесса;

– противодействие расследованию. Вмешательство в деятельность следователя ставит под сомнение его независимость. Кроме этого порождает коррупцию и подрывает авторитет органов предварительного следствия в глазах граждан и участников уголовного процесса;

– недостаточная регламентация сроков предварительного следствия, а также сроков ознакомления с материалами уголовного дела [1, с. 152–158]. Предварительное следствие по многоэпизодному уголовному делу может длиться десятилетиями. Ознакомление с материалами многотомного уголовного дела растягивается на несколько лет [2, с. 18–21];

– неэффективная защита прав участников уголовного процесса. Психологическое давление следователей на обвиняемых по уголовному делу, свидетелей или потерпевших приводит к получению недопустимых показаний по уголовному делу. Недостаточная информированность участников процесса о своих правах приводит к злоупотреблениям и нарушениям со стороны уполномоченных должностных лиц и органов. Кроме этого, недостаточная законодательная регламентация прав участников проверки сообщения о преступлении приводит к злоупотреблениям правами данных участников, в том числе и со стороны следователей;

– неэффективное взаимодействие следственных подразделений с другими правоохранительными органами, негосударственными учреждениями и организациями, что приводит к утрате важной доказательственной информации, затягиванию сроков проверки сообщения о преступлении и дальнейшего расследования уголовного дела [3, с. 175–179];

– негативное влияние общественного мнения и средств массовой информации на деятельность следователя. Чрезмерное влияние со стороны средств массовой информации может способствовать созданию предвзятого отношения к деятельности следственного подразделения и в целом ко всей системе правосудия;

– недостаточное финансирование и слабые материальные ресурсы. Нехватка современных технологий, недостаточное финансирование и слабая материально-техническая база приводит к низкой эффективности следственной работы;

– ограниченные возможности применения новых технологий. Законодатель не успевает вносить соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон, что затрудняет правоприменительную практику, препятствует использованию современных и эффективных методов расследования и анализа необходимых данных.

Отметим, что деятельность следователя является сложной и психологически насыщенной, играет важную роль в системе уголовного правосудия, так как от принимаемых по уголовному делу решений зависит эффективность расследования и защита прав участников уголовного процесса. Применение современных технологий, бесспорно, способно улучшить процессы сбора и анализа доказательств по уголовному делу [4, с. 102–104]. В подтверждении сказанному приведем несколько примеров:

– использование программного обеспечения позволяет следователю выявить закономерные связи при производстве по уголовному делу, которые могли бы остаться незамеченными без помощи новых технологий;

– активное применение современных систем видеонаблюдения позволяет следователю получить и закрепить доказательства по уголовному делу.

Например, технологии распознавания лиц могут оказать существенную помощь при идентификации обвиняемых (подозреваемых) по уголовному делу;

- анализ больших массивов данных позволяют следователю более эффективно и в кратчайшие сроки получить имеющую значение для уголовного дела информацию из социальных сетей (выявить круг участников, определить хронологию событий и т. д.);

- автоматизация шаблонных процессов, например, оформление процессуальных документов, заполнение статистических карточек и т. д. Это позволяет высвободить время для эффективного расследования и выполнения более сложных задач;

- доступ к международным базам данных позволяет в кратчайшие сроки получить необходимую по уголовному делу информацию. Технологии позволяют наладить международное сотрудничество, что существенно сокращает сроки расследования.

В заключение отметим, что современные технологии играют определяющую роль в модернизации работы следственных подразделений, позволяют существенно повысить качество и своевременность расследования. В свою очередь широкое применение новых технологий должно сопровождаться неукоснительным соблюдением мер безопасности данных и защиты прав участников процесса [5, с. 187–190; 6, с. 166–171]. Необходимы комплексные меры для улучшения качества предварительного следствия: повышение квалификации следователей, дополнительное обучение; внедрение в деятельность следователей новых технологий, методик и стандартов работы следственных подразделений; оптимизация ведомственного контроля за процессуальной деятельностью следователя; увеличение финансирования; повышение уровня взаимодействия следователей с различными государственными и негосударственными структурами в процессе расследования уголовных дел.

Эффективное предварительное следствие возможно только при условии соблюдения законности, обеспечении прозрачности следственной работы, соблюдении и уважении прав участников уголовного процесса [7, с. 96–106].

Только при системном подходе возможно преодоление существующих проблем и повышение эффективности работы следственных подразделений.

Литература

1. Ищенко Д.П., Диденко Н.С. Актуальные проблемы соблюдения прав участников досудебного производства на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела, уголовного преследования // Философия права. 2022. № 4 (103).

2. Мичурина О.В., Мичурин В.С. Использование электронных документов вне электронного уголовного дела – прогрессивный тупик // Российский следователь. 2024. № 6.

3. Кокорева Л.В., Кокорев Р.А. О взаимодействии подразделений органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2013. Ч. 1.

4. Кокорев Р.А. О некоторых причинах низкой раскрываемости преступлений в сфере компьютерной информации // Правоохранительная функция государства: актуальные вопросы теории и правоприменительной практики: Сборник статей научно-представительских мероприятий. М., 2022.

5. Кокорев Р.А. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений // Государство, общество, право: актуальные вопросы теории, истории и социальной философии: сб. статей научно-представительских мероприятий. Рязань, 2023.

6. Шараева Я.А. Проблемы обеспечения защиты прав человека в уголовном судопроизводстве / Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. научных трудов Междунар. научно-практ. конф. Ростов-на-Дону, 2023.

7. Латыпов В.С., Моругина Н.А. Обеспечение прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве по законодательству отдельных зарубежных государств // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 3 (208).

© Кокорева Л.В., 2024

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Мандрыка Ю.С.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Совершение любого преступления приводит к определенным неблагоприятным последствиям, так как для лица, которого стало его жертвой, создается совокупность материальных и моральных проблем. В уголовном праве вред рассматривают в качестве негативных последствий совершенного преступления. Такими негативными последствиями являются телесные повреждения (тяжкий, средней тяжести и легкий вред), утрата движимого или недвижимого имущества, а также посягательство на личные неимущественные права (собственно, моральный вред).

Соответственно, в каждом отдельном случае вред не выражается в одной единственной форме. В связи с этим, имеет практический смысл выделить виды вреда по объекту:

1. Физический вред – это умышленное или неумышленное нанесение другому человеку травм, нарушение целостности тканей и органов человека в результате совершения неправомерных действий, а также по причине халатного исполнения соответствующих обязанностей.

В соответствии с действующим уголовным законодательством, физический вред делится на три степени, что учитывается при квалификации деяний лица, совершившего противоправные деяния.

2. Материальный вред – это ущерб, который нанесен имущественному положению физического или юридического лица.

3. Моральный вред – это физические либо нравственные страдания, которые испытывает лицо в результате нарушения личных неимущественных либо других нематериальных благ.

В соответствии с вышеуказанным, классификацию вреда по объекту причинения вреда необходимо признать более полной относительно иных в связи с тем, что отражает исчерпывающие варианты вреда, которые может быть причинен физическому или юридическому лицу.

Для сравнения морального вреда с другими разновидностями вреда, следует определить его важнейшие критерии: субъект возмещения морального вреда, которым является причинитель, а также объект, которым является лицо, получившим определенный вред [2, с. 57].

И моральный, и материальный вред, в соответствии с действующим уголовным законодательством, может быть причинен лишь физическими лицами, которые виновны в совершении тех или иных преступных деяний.

Отличия, касающиеся субъектного состава между материальным и моральным вредом, можно выделить по лицу, которому причинен тот или иной вред [1, с. 34]. Так, материальный вред можно причинить и физическому, и юридическому лицу. При этом отметим, что в ч. 1 ст. 42 УПК РФ определено понятие «потерпевшего», которым признается физическое лицо, которому в результате совершения соответствующего преступления причинен физический, имущественный либо моральный вред, а также юридическое лицо, которому причинен вред имуществу и деловой репутации.

В данном случае является важным анализ специфики морального вреда. Так указанная разновидность вреда наносится внутреннему психологическому состоянию и является совокупностью моральных и нравственных страданий. Исходя из этого, моральный вред не может быть причинен юридическим лицам, т. к. последние не способны их испытывать. При этом вред деловой репутации соответствующего юридического лица также не влияет на психологическое состояние и не причиняет нравственные страдания. Признание такого факта, в сущности, являлось бы абсурдным.

Важным является определение размера вреда. В случае с имущественным вредом имеется четкий и объективный критерий – денежная стоимость причиненного вреда. По этой причине определить имущественный вред не вызывает особых трудностей, т. к. его можно исчислить в денежном выражении.

Другая ситуация складывается при необходимости определения конкретного размера морального вреда, который причинен в результате совершения соответствующего преступления. Объясняется это отсутствием четких и объективных критериев. Фактически моральный вред определяет само лицо, которое пострадало от соответствующего преступления. В свою очередь, иные лица уже оценивают объективность определенного размера морального вреда. В данном случае возникает существенная трудность в определении конкретного размера морального вреда.

Причина невозможности объективного определения размера морального вреда заключается в том, что конкретные страдания испытывает отдельный человек. Поэтому иным лицам весьма трудно оценить то, насколько соответствующие страдания были весомыми для него [3, с. 127].

Физический вред может быть причинен только лишь физическим лицом. Юридическое лицо в подобном качестве выступать не может. В случае морального вреда объектом, которому причиняется вред, является психологическое состояние человека, его переживания и моральная составляющая. При этом в случае причинения физического вреда объектом является биологическое состояние и физическая целостность человека.

Ранее было отмечено, что не существует объективных критериев, на основе которых можно определить моральный вред. Однако физический вред определяется посредством проведения судебно-медицинской судебной экспертизы.

Таким образом, учитывая специфику морального вреда и его отличительные признаки, на суд возлагается обязанность оценки физического и материального вреда, а также определения размера морального вреда. Соответственно, суд должен в ходе судебного заседания произвести оценку того, что, по сути, невозможно увидеть либо подвергнуть счету. По этой причине в процесс определения размера морального вреда суд, в сущности, разрешает вопрос объективности внутреннего убеждения потерпевшего относительно размера нанесенных ему моральных страданий.

В соответствии с вышеизложенным, полагаем разумным устанавливать степень тяжести морального вреда, который причинен потерпевшему,

посредством проведения судебно-психологической экспертизы. В результате этого станет возможным выявление индивидуальных психологических особенностей конкретного потерпевшего. Кроме того, таким способом можно будет установить, каким образом конкретное преступное деяние сказалось на состоянии потерпевшего.

Соответственно, проведение судебно-психологической экспертизы в подобных случаях позволит установить ряд обстоятельств, способствующих установлению истины по уголовному делу. Вместе с тем, важно понимать, что возложение на органы предварительного расследования обязанности проведения подобной экспертизы приведет к увеличению нагрузки на них. Более того, из-за этого может увеличиться совокупный срок предварительного расследования по уголовным делам. В соответствии с этим, наиболее целесообразным видится назначение судебно-психологической экспертизы в рамках рассмотрения уголовного дела по существу по ходатайству потерпевшего или лица, представляющего его интересы, либо по решению суда.

Иных разумных путей решения проблемы объективного определения размера причиненного потерпевшему в результате совершения преступного деяния морального вреда в настоящее время не существует. Следует отметить, что мнение о необходимости проведения судебно-психологической экспертизы для разрешения рассматриваемой проблемы в целом подтверждается сложившейся судебно-следственной практикой.

При этом в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют какие-либо ограничения, по которым потерпевший мог бы ходатайствовать о возмещении ему различных видов вреда. Вместе с тем не стоит забывать, что исключительно физический вред может быть возмещен в натуре, а материальный и моральный вред возможно возместить лишь в том или ином денежном эквиваленте.

М.А. Гришина в своей научной статье «Актуальные проблемы определения размера компенсации морального вреда» в рамках анализа института возмещения морального вреда в уголовном процессуальном праве исследовала взгляды В. М. Быкова, С. В. Колдина, В. В. Вандышева

Данные ученые считают, что моральный вред может быть компенсирован не только в денежной форме. Речь идет о случаях, когда моральный вред не представляется возможным установить в материальном плане. Так, если теми или иными порочащими сведениями подорвана деловая репутация определенной организации, то такой вред уже невозможно будет возместить какими-либо денежными средствами. На основании этого вышеуказанные ученые считают, что моральный вред может оцениваться как в материальной, так и в нематериальной форме в виде публичных извинений [4, с. 166].

Данная точка зрения является достаточно спорной. Действительно, публичные извинения могут оказать определенное плодотворное влияние на причиненный вред, однако ни при каких обстоятельствах такой вариант не приведет к полному возврату деловой репутации.

Таким образом, фактически действующее уголовно-процессуальное законодательство регламентирует, что причинение потерпевшему морального вреда должно быть доказано, как и причинение физического или материального ущерба. Соответственно, присвоение определенному лицу процессуального статуса потерпевшего не приводит автоматически к наличию у него права на возмещение морального вреда. В действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве не регламентирована презумпция причинения морального вреда в результате совершения преступления.

С учетом этого необходимо отметить, что возмещение потерпевшему морального вреда в ходе уголовного судопроизводства возможно только при условии признания его в соответствующем правовом статусе, причинения ему морального вреда, а также наличия четкой причинно-следственной связи между совершенным преступлением и причинение ему определенного морального вреда, выражающегося в нравственных страданиях.

Наряду с этим, считает целесообразным в целях объективного рассмотрения гражданского иска о возмещении морального вреда в УПК РФ регламентировать презумпцию причинения морального вреда лицу, которое является потерпевшим. Это позволит обеспечить, чтобы лицо, которое совершило преступное деяние, было обязано доказывать непричинение им потерпевшему морального вреда. Однако об этом может идти речь лишь в том

случае, если уже доказана вина конкретного лица в совершении соответствующего преступления.

Считаем целесообразным дополнить УПК РФ ст. 44.1 «Право гражданского истца на компенсацию морального вреда, причиненного преступным деянием» в следующей редакции: «1. Гражданский истец может предъявить гражданский иск для компенсации морального вреда. 2. Компенсация морального вреда может быть взыскана в денежной форме и (или) в нематериальной форме (публичные извинения, опровержение недостоверных сведений). 3. Лицо, заявляющее требование о компенсации морального вреда вправе самостоятельно выбрать форму его возмещения».

Если ввести указанную норму в действующее уголовно-процессуальное законодательство, то у потерпевшего появится возможность выбора формы возмещения ему морального вреда. В результате реализации вышеуказанных предложений, по нашему мнению, удастся значительно упростить процедуру принятия судами решений по искам о возмещении морального вреда.

Литература

1. Башинская И.Г. Понятие и сущность морального вреда по уголовно-процессуальному законодательству России, его соотношение с другими видами вреда. Общество и право. 2022. № 4 (82).
2. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата. М., 2019.
3. Булатов Б.Б., Баранов А.М. Уголовный процесс: учебник. М., 2020.
4. Гришина М.А. Актуальные проблемы определения размера компенсации морального вреда / К познанию права: сб. студ. науч. работ. Брянск, 2021.

© Мандрыка Ю.С., 2024

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЕМ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Миронова А.В.

Начальник кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

В уголовном судопроизводстве много участников, реализация процессуального статуса которых требует специальных познаний. Следователь также является специалистом, обладающим познаниями по вопросам, требующим разрешения в ходе доследственной проверки и предварительного следствия. Он должен обладать знаниями в разных отраслях права. Например, в таких как уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское, конституционное, административное, в областях науки и практики – в криминалистике, теории права, информатике, психологии.

При возникновении обстоятельств, установление и проверка которых требуют специальных знаний, следователь уполномочен назначить судебную экспертизу, пригласить специалиста (ст. 57, 58 УПК РФ). И не всегда в законодательстве определено, каким должно быть это обстоятельство. Отдельные нормы о том, когда следователь обязан обратиться к эксперту, специалисту закреплены в ст. 164, 191, 196, 280 УПК РФ и др.

В современной жизни существует нескончаемое множество областей познания и специалистов, которых с каждым годом становится все больше. Так, когда то существовала профессия врача (лекаря) без какой либо специализации, а сегодня мы видим множество видов медицинских специальностей.

Аналогичный пример можно привести к разветвлению технических, экономических, педагогических и иных специальностей.

Несмотря на значение применения специальных познаний в уголовном судопроизводстве, отсутствует легальное понятие этого явления.

В юридической литературе существуют разные подходы к понятию специальных познаний. По одному из них специалист определяется в широком смысле, как лицо, обладающее не обыденным познанием, а получившее специальное образование [1, с. 11]. Но, мы понимаем, что получение диплома об образовании (обучении), еще не является гарантией того, что лицо является обладателем специального знания. Например, при отсутствии практического опыта или некомпетентности в силу низкого уровня знаний. Анализ правоприменительной практики показывает, что для того, чтобы мнение специалиста было принято в процессе доказывания, необходимо чтобы у него было не только образование, но и опыт практической деятельности по специальности, положительная репутация, достижения в определенной области, подтвержденные соответствующими документами (дипломом, выпиской из трудового договора или приказа о назначении на должность, свидетельством, сертификатом и т. п.).

В связи с этим возникает вопрос о возможности самостоятельного использования следователем имеющихся у него специальных знаний. Данный вопрос является спорным и дискуссионным [3, с. 50–55]. С одной стороны, те знания, которые входят в профессиональную сферу деятельности следователя не признаются специальными знаниями, а с другой, как отмечал С.А. Шейфер, именно следователь определяет область знания, в которой сведущ специалист, вид назначаемой судебной экспертизы и объекты исследования, а затем оценивает результаты исследования [4, с. 7–8].

Указанные действия следователя не связаны с тем, что он самостоятельно проводит исследование, в ходе которого непосредственно осуществляет восприятие сведений, формулирует выводы. Следователь осуществляет обеспечение правовых и организационных условий для работы эксперта или

специалиста. Итак, является ли следователь носителем специальных знаний, помимо юридических, входящих в систему его профессиональной подготовки? Поделимся размышлениями по этому вопросу, основанными на современных научных взглядах и правоприменительной практике.

Однозначно, следователь не является носителем всех специальных знаний, необходимых в процессе предварительного следствия. В процессе доказывания он оценивает и проверяет результаты применения специальных знаний специалистов и экспертов. К таким результатам относятся заключения специалиста, эксперта, помощь или консультация специалиста в ходе проведения процессуального действия или при подготовке к нему, показания эксперта, данные им при допросе.

Следователь помимо специальных знаний по своему процессуальному статусу в ходе предварительного расследования разных категорий преступлений, получает знания и опыт, которые позволяют повысить эффективность и качество расследования. В XXI в., некоторые специальные знания, например, необходимые для применения технических средств обнаружения и изъятия следов преступления, фиксации хода следственных действий, некоторые виды программного обеспечения, которые позволяют выявить следы противоправных деяний в сети Интернет или на технических устройствах, доступны многим людям, в том числе и следователю. Такие специальные знания следователь вполне может применять.

Так, если местом преступления или местом, где проводит время, оставляет свои цифровые следы злоумышленник, является веб-ресурс, то следователь самостоятельно или с помощью специалиста может проводить процессуальные действия, направленные на проверку, исследование такого ресурса, поиск значимой для уголовного дела информации. Направления и способы поиска многочисленны. Они включают поиск фото-, видеоконтента, например изображения лиц, причастных к событию преступления, определение их места работы или сферы профессиональной деятельности, круга общения и

получение других сведений, которые могут распространяться в социальных сетях, отзывах на сайтах и чатах, в публикациях и т. п.

Следовательно сегодня, безусловно, необходимы разнообразные специальные знания для предварительной оценки ситуации, т. е. до проведения исследования специалистом. Например, при проведении следственного действия (осмотра места происшествия или предмета, документа, обыска, личного обыска, допроса), могут возникнуть вопросы, требующие незамедлительного реагирования. Например, следователю могут потребоваться знания при обнаружении материалов, объектов, используемых в экстремистской, террористической деятельности, в организации незаконной миграции, производстве и распространении наркотиков, оружия и иных объектов, участвующих в незаконном обороте. Предварительная оценка таких обстоятельств, требуется для решения вопроса о проведении процессуальных действий, в том числе мер принуждения, для последующего назначения судебной экспертизы. При получении следователем заключения эксперта или специалиста, следует оценить его относимость к делу и допустимость для процесса доказывания. Если в проведении исследования применены сложные знания, то для оценки результата необходимо пригласить сведущего специалиста, в иных случаях следователь может проанализировать их самостоятельно.

С учетом вышеуказанных обстоятельств, следователя необходимо отнести к участнику, обладающему специальными знаниями, и его в разных видах классификаций указывают носителем специальных знаний многие авторы [2, с. 219–220]. В современных условиях, знания следователя постоянно расширяются, под воздействием развития областей жизнедеятельности, в которых совершаются преступления, подследственные следователям. Кроме того в ходе обучения профессии следователя постоянно обновляются программы дисциплин, включая новые более широкие знания. Например, сегодня применение следователем при проведении процессуальных действий не только тактических приемов, но и знания психологических закономерностей

поведения лица, межличностного взаимодействия, психофизиологии, не препятствует, а лишь помогает его деятельности и не приводит к тому, что результаты таких процессуальных действий не принимаются в качестве доказательств. Следовательно, расследующему уголовные преступления в сфере экономической деятельности необходимы знания в области бухгалтерского учета, кредитно-финансовой сферы, налоговых правоотношений, т. к. не во всех следственных действиях, где эти термины употребляются, может присутствовать специалист.

Применение таких специальных знаний следователем не отражается в материалах уголовного дела, и ни в коей мере не исключает необходимость участия специалиста в других ситуациях, если этого требует закон или решение самого следователя. Результаты применения следователем специальных знаний, отраженные в протоколе следственного действия, составленного в соответствии с законодательством должны считаться допустимым доказательством. С развитием областей знаний, системы повышения квалификации и переподготовки, с доступностью результатов науки и практики для изучения, виды знаний, которыми будет обладать следователь, и применять их в процессе предварительного расследования будут только расширяться. Такие процессы должны способствовать оптимизации уголовного судопроизводства, повышению качества предварительного расследования.

Литература

1. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М, 2023.
2. Ростовцев А.В. Использование специальных знаний для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1.
3. Пермяков А.Л. Следователь как непосредственный обладатель специальных знаний // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2.

4. Шейфер С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.

© Миронова А.В., 2024.

УДК 343.15

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Мовсисян А.Г.

Доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук

В современных правовых реалиях интересным вопросом является проблема и особенности применения мер пресечения. Правовой режим государства устанавливает неприкосновенность личности, защиту ее прав и свобод. Именно поэтому правомерность применения превентивных норм стала обсуждать учеными-теоретиками нашей страны. Регламентация правовприменительного процесса, касающегося возложения мер пресечения обусловлена требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Это связано с формой мер пресечения и необходимостью их возложения в определенной ситуации [1, с. 74].

Специфика применения различных мер пресечения базируется на формах ограничения прав субъекта, на которого возлагается представленная норма. Так, меры пресечения, ограничивающие основные ценности, закрепленные в Конституции РФ, требуют обязательного судебного решения.

Рассмотрение особенностей и характерных черт каждой из мер пресечения привел нас к выводу, что каждая превентивная мера, которая не имеет ничего общего с ограничением свободы, имеет ряд, не присущих другим мерам черт.

Так, применение подписки о невыезде невозможно без фиксации на бумажном или электронном носителе обязательства о надлежащем поведении. В данном случае следователь или дознаватель должен принять саму подписку о невыезде.

Выбор личного поручительства обуславливается рядом требований, которые предварительно необходимо выполнить субъектам данной меры пресечения. К ним относится: заявление, в котором требуется один или несколько поручителей; согласие обвиняемого и подозреваемого; поручителем должно быть доверенное лицо. Эта уверенность достигается путем сбора информации об этом человеке. Поручителю должны объяснить характер подозрения, а также свои обязанности.

Особым условием использования наблюдения командованием воинской части является особый статус подозреваемого или обвиняемого: он должен быть солдатом или лицом, получающим военную подготовку; кроме того, он должен объяснить офицеру, в чем обвиняется лицо, какие задачи ему поручено выполнять.

Регламентация избрания меры пресечения, касающейся наблюдением за лицом, не достигшим возраста 18 лет, касается в первую очередь проверки фактов эмансипации лица и признании его полностью дееспособным. В иных случаях применение данной меры невозможно [3].

Запрет на определенные действия характеризуется положениями, предусмотренными уголовно-процессуальным законом Российской Федерации, и возможностью применения нескольких запретов к одному лицу. Контроль за соблюдением запрета возложен на федеральные административные органы, которые выполняют репрессивные и надзорные функции в области уголовных наказаний (ФСИН) осужденных и могут при необходимости применять технические, аудиовизуальные и электронные методы контроля.

При выборе залога применяются следующие условия реализации этой меры: если депозиты используются вместо ранее выбранных мер, таких как

задержание или домашний арест, лицо не будет освобождено до тех пор, пока средства не будут получены на депозитный счет [4].

Если залог зарегистрирован другим лицом, этому лицу могут объяснить существо обвинения и другие документы, необходимые лицу, чтобы оно было в курсе инцидента; это лицо также должно быть уведомлено об ответственности из-за нарушения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей обвиняемым или подозреваемым.

Домашний арест оформляется в следующих процессуальных актах: решения, принимаемые судом, являются резолюциями и постановлениями суда [2].

При таком процедурном поведении необходимо определить, какие ограничения налагаются на этого человека, будь то движение, общение и т. д.; следует сообщить об этом органу, ответственному за надзор за соблюдением ограничений.

На этапе предварительного расследования должностные лица, ведущие уголовное производство, если они это оправдывают, существенно ограничивают конституционные права и интересы граждан путем применения процессуальных принудительных мер и выбора превентивных мер. На практике не исключено, что ограничение прав и интересов отдельных лиц является незаконным и необоснованным. Поэтому, чтобы следственные органы не допускали нарушения прав граждан, предусмотренных законом, особое место занимает процессуальный контроль суда как одного из основных гарантов прав личности.

Важная роль в обеспечении законных прав и интересов состоит в том, чтобы осуществлять судебный контроль за использованием средств содержания под стражей и принимать превентивные меры не только в отношении взрослых подозреваемых, обвиняемых, но и в отношении несовершеннолетних. Судебный надзор в предварительном производстве является независимым направлением деятельности по уголовным делам. Его целью является

обеспечение верховенства права и защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Согласно Европейской конвенции о защите прав человека и Конституции Российской Федерации, применение принудительных и превентивных мер, которые серьезно нарушают права отдельных лиц, должно осуществляться только на основании судебных решений. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации относит к мерам пресечения, которые утверждает суд: домашний арест, заключение под стражу, запрет на определенные действия, освобождение под залог [1]. Криминологические показатели достаточно часто становятся неутешительными для страны, которая стремительно борется с преступностью. Конечно, невозможно снизить показатели до нуля, однако приравнять их совершенно незначительным является целью правоохранительных органов. Установление истины зачастую становится довольно сложным в современных правовых реалиях, именно поэтому сотрудники органов внутренних дел должны иметь знания различного рода во многих сферах жизнедеятельности граждан.

К одной из таких сфер можно отнести психологию подростков. Знания в данной области необходимы в целях осуществления объективной оценки всех факторов. Эта оценка носит практический характер и требуется при избрании меры пресечения дознавателем или следователем в отношении подростка с девиантным поведением.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что лица, уполномоченные осуществлять расследование по уголовному делу, сталкиваются с личностью, которая еще не сформировалась. Все их будущее находится в руках специалиста.

Регламентация указанного процесса реализуется с помощью нормативных правовых актов разного уровня. Это и федеральное законодательство, и международное. Особое внимание, уделяемое со стороны международных организаций, обусловлено стремлением защитить ребенка от пагубного влияния криминального мира. Следует констатировать отсутствие

полного спектра возможностей у подростка защищаться от преступных посягательств со стороны взрослых всеми предоставленными правовыми возможностями в связи с неразвитым правосознанием и сильным внешним воздействием.

При этом, как уже говорилось выше, заключение под стражу является даже более строгим (например, с точки зрения прав), чем система лишения свободы как уголовной санкции по содержанию и характеру (степени) изоляции гражданина по отношению к обществу. Особенно в отношении исправительных колоний, где заключенные при определенных условиях имели возможность даже покинуть территорию исправительного учреждения.

Более того, по сравнению с лишением свободы как санкцией, которая достаточно «предсказуема» для обвиняемого и позволяет, в том числе, быстро решить те или иные социальные и бытовые проблемы, заключение под стражу, как правило, приводит к внезапному выходу из среды социальной.

Поэтому рассматриваемая мера предосторожности является одной из самых строгих форм изоляции человека от общества, и ее следует применять с осторожностью только в тех случаях, когда более мягкие меры предосторожности действительно невозможны. Обвиняемые должны быть исключены независимо от данных о положительном характере (наличие постоянного жилья, прочные социальные связи, отсутствие судимости и т. п.). Это часто подчеркивают не только многие теоретики, но и общественные деятели.

Здесь следует отметить, что при сравнении первоначальной редакции УПК РФ с действующей редакцией важно отметить, что, как правило, теперь возможно избрание меры пресечения, если Санкция по предполагаемой статье предусматривает наказание в виде трех лет лишения свободы вместо прежних двух лет. Фактически это не самостоятельная новация в уголовно-процессуальном законодательстве, а результат изменений, внесенных в УК РФ при определении порогов размера наказания в виде «лишения свободы» [2].

Кроме того, Уголовно-процессуальный закон также существенно ограничивает возможности подозреваемых (обвиняемых) по делам об экономических (корпоративных) преступлениях избирать меры пресечения. Такие ограничения направлены, среди прочего, на то, чтобы избежать неправомерных последствий для компании.

В настоящее время наблюдается тенденция к ограничению применения изученных профилактических мер. Исследователи иногда предлагают весьма практически нежелательные меры. Например, предусмотреть в законе невозможность организации выборов для лиц, совершивших преступления средней тяжести, за исключением случаев, когда у этих людей после совершения преступления наблюдалось негативное поведение.

В то же время, перед лицом таких тенденций, мы не должны забывать о совершенствовании действительно необходимых существенных элементов уголовно-процессуального законодательства. Отсутствие тюремного заключения в санкциях показывает, что социальный вред от такого поведения минимален: иными словами, законодатели явно руководствуются логикой, согласно которой граждане не должны подвергаться опасности.

Однако это не мешает реализации законодательных задач по уголовным делам и уголовному процессу – в любом случае указанные лица должны быть привлечены к уголовной ответственности. Зачастую те, кто понимает, что к ним невозможно принять самые строгие меры воздействия, начинают злоупотреблять законом и активно сопротивляться расследованию.

Подводя итог, можно подчеркнуть, что законодатель определил причины, условия, процедуры и сроки выбора превентивных мер, не связанных с задержанием, еще многое предстоит сделать для того, чтобы система превентивных мер начала эффективно внедряться и достигла поставленных целей.

Литература

1. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2018.
2. Александров А.С. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе // Уголовное право. 2019. № 2.
3. Глизнуца С.И., Даровских Ю.В. Виды мер пресечения, применяемых к несовершеннолетним обвиняемым, подозреваемым // Право и политика. 2019. № 9.
4. Дадиева Х.Г. Применение мер пресечения в отношении подозреваемого: некоторые аспекты // Вестник Дагестанского государственного университета. 2017. № 2.

© Мовсисян А.Г., 2024

УДК 343.15

ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Семенцова И.А.

Доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
кандидат юридических наук, доцент

Малявина А.Б.

Научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат политических наук

Проблемы, связанные с возникновением и развитием института реабилитации в уголовном судопроизводстве, не перестают быть актуальными. Количество реабилитированных в России растет, а вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в этой области так и остаются открытыми. Необходимость решения данных проблем обусловлена

развитием современного общества в правовом государстве, согласно ст. 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а реабилитация – это, прежде всего, восстановление нарушенных прав [1].

Значение слова «реабилитация» многогранно, но в уголовном судопроизводстве – это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (п. 34. ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Из определения следует, что возмещение имущественного вреда – это не единственное последствие реабилитации, данный институт включает в себя восстановление в трудовых, жилищных и пенсионных правах, а также устранение последствий морального вреда.

Впервые норма, содержащая в себе общие черты с понятием «реабилитация», была закреплена в Артикуле воинском от 26 апреля 1715 г. Связано это было, прежде всего, с реформистской деятельностью Петра I [2]. Реабилитация же в данном уставе определялась следующим образом: военный может быть восстановлен в своих правах, в случае, если он был признан невиновным в совершении преступного деяния или прощен. Главное отличие от современной реабилитации состоит в том, что восстановление правового статуса в случае невиновности гарантировалось только военным. Безусловно, это было связано с традиционным образом жизни России XVIII в., но даже столь незначительное изменение в законодательстве уже свидетельствовало о зарождении института реабилитации.

В российском законодательстве периода правления Петра Великого обеспечивалась и защита подданных, не несших военную службу. Был впервые установлен принцип гражданской ответственности судей, высших чиновников по искам лиц, пострадавших от их служебных действий. Нововведения императора дали развитие новому институту, еще не известному в России, который спустя годы получит название «реабилитация». Смерть реформатора приостановила деятельность по развитию реабилитации в России, некоторые ее положения были в последующем отменены приемниками Петра Алексеевича.

«Эпоха дворцовых переворотов» во многом осложнила законотворческую деятельность, поэтому новых положений о реабилитированных в восемнадцатом веке не последовало. Лишь во второй половине девятнадцатого века, в период «Великих либеральных реформ» Александра II происходят значительные изменения в уголовном судопроизводстве. В российском обществе данного периода появляются идеи о восстановлении доброго имени, репутации жертв судебных ошибок. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года содержал в себе статьи, имеющие непосредственную связь с реабилитацией: «восстановление прав и чести невинно осужденного допускается во всякое время, несмотря ни на протечение срока давности, ни на смерть осужденного»; «время, проведенное должностными лицами под следствием и судом, засчитывается в действительную службу» [3]. Все эти положения говорят о том, что институт реабилитации даже после долгого перерыва продолжал развиваться и совершенствоваться.

XX в. характеризуется двумя революциями, Гражданской войной, двумя Мировыми войнами, становлением и распадом советского государства, а также изменениями в сфере уголовного судопроизводства. В соответствии с действующим законодательством, вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме. Подобное положение было закреплено и в принятом законе от 1 мая 1900 г., согласно которому ссыльнокаторжным, признанным судебной властью невинно осужденными, и членам их семьи возмещались расходы по возвращению в прежние места жительства за счет казны [4].

Дальнейшее развитие института реабилитации связано со становлением нового государства – СССР, что, в свою очередь, сказалось и на уголовном судопроизводстве. Впервые мысль о необходимости законодательного закрепления возможности лицам, незаконно подвергнутым уголовному преследованию, защищать свои права в советский период, высказал М.С. Строгович [5]. Он также обосновывал идеи о предоставлении гарантий государством по защите прав этих граждан. Благодаря М.С. Строговичу в уголовно – процессуальном законодательстве появился такой институт, как реабилитация.

Помимо М.С. Строговича исследованиями в области реабилитации занимались такие правоведы, как Т.Н. Добровольская, Р.Д. Ракунов, Ю.К. Толстой и др. Именно их труды способствовали появлению в России института реабилитации. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому уголовному преследованию и другие вопросы в сфере совершенствования уголовного судопроизводства – заслуга этих ученых. В последующем в ст. 358 УПК РСФСР содержалось положение о том, что смерть осужденного не служила препятствием для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам для реабилитации данного лица [7].

Не смотря на столь благоприятные обстоятельства, складывающиеся в советский период, четкого толкования реабилитации так и не произошло. В законодательстве были сформулированы лишь некоторые положения, касающиеся прав реабилитированных, но так и не произошло главного – появления отдельной главы, связанной с этой темой.

События, развернувшиеся после распада СССР, привели к полному законодательному закреплению реабилитации. Причиной этому стало принятие Конституции РФ 12 декабря 1993 г., где закреплялась юридическая ответственность государства, связанная с восстановительно-компенсационными мерами. Согласно ст. 53 Конституции Российской Федерации 1993 г. каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Дальнейшее развитие некоторых норм, касающихся уголовного судопроизводства, связано с принятием новых нормативных правовых актов: Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, что во многом облегчило положение лиц, незаконно подвергшихся уголовному преследованию. Принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 г., наконец, закрепило понятие «реабилитация». Гражданский кодекс установил срок исковой давности для реабилитации, который составляет три года.

Действующий уголовно – процессуальный кодекс защищает не только права лиц, подвергнутых уголовному преследованию, он также устанавливает право на возмещение вреда любых лиц, незаконно подвергнутых мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (ч. 3 ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Безусловно, институт реабилитации необходим в современном обществе, т. к. заблуждение или ошибка следователя, прокурора, дознавателя, суда и других участников уголовного судопроизводства, часто встречаемое явление. Вследствие данной ошибки ответственность могут понести невиновные лица. Необходимость в реабилитации связана еще и с социальными причинами, т. к. реабилитированным сложнее восстановиться в профессии, свыкнуться с привычным образом жизни, в большинстве случаев компенсация морального вреда необходима.

Россия, ратифицировав международные акты, связанные с восстановлением прав граждан, взяла на себя обязательство, которое закрепляет ответственность перед реабилитированными. В истории можно найти множество примеров юридической реабилитации, которая применяется, в основном, к историческим личностям, которых уже нет в живых. Данная реабилитация подразумевает под собой восстановление в правах, восстановление утраченного доброго имени невиновных в связи с отсутствием состава преступления. Только главным отличием исторической реабилитации от реабилитации, применяемой в уголовном судопроизводстве, является то, что первая может применяться к умершим подозреваемым или обвиняемым, даже, если их близкие родственники не будут на этом настаивать.

В уголовной же реабилитации в настоящее время юридический факт смерти подозреваемого, обвиняемого порождает за собой соответствующие последствия. Конституционный суд Российской Федерации установил, что в случае прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) в целях защиты его прав, защиты прав и законных интересов близких родственников умершего, последним должно быть предоставлено право настаивать на продолжении производства по уголовному делу. Это значит, что близкие родственники подозреваемого (обвиняемого) могут

реализовать свои требования в письменной форме в орган, ведущий уголовный процесс [8].

Рассматривая историю становления института реабилитации, можно с уверенностью сказать, что его развитие – это долгий процесс, происходящий умеренными темпами. Стоит отметить, что некоторые аспекты в этой области не полностью освящены и требуют детального рассмотрения и последующего закрепления на законодательном уровне. На сегодняшний день у юристов существует множество идей насчет реабилитации в уголовном судопроизводстве, некоторые из них, действительно, заслуживают «воплощения в жизнь». Кроме того, существуют и вопросы о порядке возмещения вреда государством реабилитированному лицу.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Рохлин В.И. Институт реабилитации в российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы). СПб., 2007.

3. Судебные уставы 20 ноября 1864 г.: с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч.1.

4. О принятии за счет казны расходов по возвращению в прежние места жительства ссыльнокаторжных, признанных судебною властью невиновными и освобожденных от наказания, а равно членов их семейств: закон от 1 мая 1900 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1836.

5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1970.

6. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные законом СССР от 25.12.1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР 1959. № 1. Ст. 43.

7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.12.1960 г. // Свод законов РСФСР. Т 8.

8. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 г. № 24П // Собр. законодательства Р.Ф. 2013. № 47. Ст. 6156. 44.

© Семенцова И.А., Малявина А.Б., 2024

УДК 343.12:343.985

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ФОРМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Таран А.В.

Преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

Предварительное следствие – это досудебная процессуальная деятельность органов предварительного расследования, направленная на выяснение всех обстоятельств преступления, установление и привлечение к ответственности лиц виновных в его совершении, являющаяся самостоятельной формой предварительного расследования.

Приоритетом в расследовании уголовных дел является окончание предварительного следствия с обвинительным заключением и направлением прокурору в порядке ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

Законодательством России следователь признается участником уголовного судопроизводства, выступающим со стороны обвинения, который

осуществляет расследование по уголовному делу беспристрастно и в полном объеме. УПК РФ определил обстоятельства, подлежащие доказыванию, устанавливать которые обязан следователь. На стадии досудебного производства требуется определять не только обстоятельства, подтверждающие виновность лица в совершении преступления, но и обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст. 73 УПК РФ) [1]. Несомненно, определенные процессуальные действия сотрудника органов предварительного следствия лишены функции обвинения. Например, при наличии оснований, освобождающих от уголовной ответственности, следователь выносит мотивированное и обоснованное постановление о прекращении уголовного дела.

К.Т. Качабеков указывает, что следователю, собирающему первоначальные сведения о совершенном преступлении, в большинстве случаев неясно станут ли они обвинительными или оправдательными [2]. Это возможно установить лишь впоследствии, после оценки всех полученных доказательств по уголовному делу. Труд следователя наделен очевидным исследовательским характером, что гарантирует защиту, нарушенных противоправным деянием, прав и свобод, обеспечивает осуществление законного уголовного преследования.

Взвешенной кажется позиция Р.Д. Рахунова, которой он придерживается в докторской диссертации на тему предварительного расследования в советском уголовном процессе. В этой работе автор говорит о том, что настоящим процессуальным назначением следствия является функция расследования, т. е. всестороннего и непредвзятого анализа обстоятельств, совершенного преступления, по результатам которого возможно уголовное преследование [3].

Однако предварительное следствие в настоящее время носит неспешный, предвзятый характер, склонный к обвинительному уклону, сбору стереотипных доказательств, с установкой на получение признательных показаний подозреваемого.

Актуальная проблема сегодняшнего следствия заключается в низком качестве производства предварительного расследования в целом, а также в низкой компетентности некоторых следователей, в частности.

В качестве причин низкого качества предварительного следствия, считаем необходимым отметить:

1. Оценка работы следователя с тенденцией на массовые показатели за определенный период времени. Максимум направленных уголовных дел в прокуратуру для утверждения обвинительных заключений, приходится на конец отчетного периода, что не может не сказываться на предварительном расследовании. Иными словами, в конце месяца, квартала, года, в суд направляются уголовные дела, несмотря на низкое качество следствия.

2. Отсутствие надлежащего контроля за расследованием уголовных дел руководителем органа предварительного следствия, что может выражаться в недостатке письменных указаний в порядке ст. 39 УПК РФ о производстве следственных и процессуальных действий молодым следователям [1].

3. Служебную нагрузку, которая в наших реалиях является существенной, поскольку один следователь одновременно осуществляет предварительное расследование по внушительному количеству уголовных дел и материалов.

4. Профессиональную неопытность и некомпетентность следователей, что может определяться, непостоянством кадров. Заметим, что во многих случаях это касается и руководителей следственных органов, у которых отсутствует следственная практика и необходимый опыт организационной работы.

5. Нежелание изучения следственной и судебной практики. В некоторых случаях у следователей, вновь поступающих на службу, это происходит из-за нехватки времени.

Как следствие самонадеянное непрофессиональное отношение к выполнению своих должностных обязанностей отдельных сотрудников органов предварительного следствия приводит к следующему:

1. Профессиональной некомпетентности следователя (нежелание повышать свою квалификацию самостоятельно).

2. Низкой дисциплинированности и исполнительности.

3. Неэффективному планированию и организации предварительного расследования (отсутствие планов работы по уголовному делу, учетов, направление своевременных поручений в орган дознания и прочее).

4. Отсутствию анализа ранее допущенных ошибок при производстве предварительного следствия.

5. Шаблонному и формальному заполнению процессуальных документов.

Совершенствование качества следствия возможно при выполнении следующей совокупности мер:

1. Создание профессионального кадрового потенциала органов предварительного расследования. На сегодняшний день правоохранительным органам как никогда требуются квалифицированные кадры с высоким уровнем общей и юридической грамотности. И.Г. Бавсун совместно с С.А. Ильиным полагают, что только профессионалы, владеющие и умело применяющие теоретические знания и практический опыт, обладающие навыками достаточными для осуществления служебной деятельности, на высоком уровне и в полной мере смогут решать цели и задачи, выполнение которых требует закон [4]. При этом, не стоит забывать, о том, что уровень подготовки сотрудников предварительного следствия непосредственно зависит от профессионального образования. И с данной точкой зрения невозможно не согласиться.

2. Повышение квалификации сотрудников органов предварительного расследования, что должно включать в себя не только прохождение различных курсов, но и регулярное коллективное изучение актуального законодательства, судебной практики и особенностей планирования и производства следствия по уголовным делам различных категорий.

3. Организация систематических встреч сотрудников органов предварительного расследования с представителями судов и прокуратуры, где будут обсуждаться наиболее важные вопросы, с целью недопущения и устранения нарушений действующего законодательства, допущенных в ходе производства предварительного следствия.

4. Осуществление постоянного контроля руководителем следственного органа за организацией своевременного, полного и объективного производства предварительного расследования следователями по каждому уголовному делу (дача указаний следователю о направлении расследования).

5. Ужесточение надзора органами прокуратуры за соблюдением законности при расследовании уголовных дел. Как показывает практика, к моменту получения прокурором уголовного дела с обвинительным заключением, последний обладает исключительно поверхностным представлением о проводимом расследовании, исходя из небольшого количество постановлений следователя, направленных им в порядке надзора. Мы поддерживаем мнение Л.Р. Юдина утверждающего, что в случае возложения на прокурора полномочий по даче следователю указаний о направлении расследования и производстве отдельных следственных действий по уголовному делу, надзор со стороны прокуратуры за процессуальной деятельностью в ходе предварительного следствия станет более эффективным, при этом процессуальная самостоятельность следователя не будет нарушаться [5].

6. Вынесение своевременных частных постановлений судами при установлении фактов нарушения закона в ходе производства предварительного следствия, как предупредительная мера, направленная на пресечение и исключение таких случаев.

7. Отход от действующей практики, нацеленной на повышение показателей работы следственного органа при окончании отчетного периода, и направления любыми способами наибольшего количества уголовных дел. Данная мера может повысить планомерное производство предварительного следствия и сказаться на качестве производимого расследования уголовных дел.

При реализации вышеуказанного комплекса мер, качество предварительного следствия не только повысится, но и позволит существенно улучшить основные показатели столь важной работы. А.А. Толкаченко высказывает мысль, что не только следователь обеспечивает качество следствия, но и в какой-то мере законодатель, прокуратура, суд и все общество

в целом [6]. Поскольку вышеуказанные недостатки предварительного расследования в форме следствия, в большинстве своем, являются систематическими, и возникающими из-за организационных условий работы следователя, низкого материально-технического обеспечения сотрудников, пробелов в законодательной базе, то их устранение возможно лишь при выполнении комплекса мер.

Безусловно, слаженная работа всех отраслей уголовного судопроизводства напрямую зависит от самосовершенствования конкретного сотрудника.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федер. закон. от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

2. Качабеков К.Т. Функции следователя в современном уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2018. № 48 (234).

3. Рахунов Р.Д. Предварительное расследование в советском уголовном процессе: дис... д-ра юрид. наук. М., 1953

4. Бавсун И.Г., Ильин С.А. Организация дополнительного профессионального образования резерва руководящего состава территориальных органов МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74).

5. Юдин Л.Р. Повышение эффективности прокурорского надзора за исполнением законов при процессуальной деятельности следственных органов // Молодой ученый. 2021. № 5 (347).

6. Толкаченко А.А. Типичные ошибки и недостатки следствия с точки зрения судов // Уголовный процесс. 2014. № 9.

© Таран А.В., 2024

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Шараева Я.А.

Доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент

Следственное подразделение на данный момент является одним из наиболее важных подразделений в органах внутренних дел. Анализируя деятельность предварительного расследования, можно сделать вывод о том, что огромный круг обязанностей и полномочий возложено на данное подразделение. В связи с этим, нагрузка на следователей, которые сейчас осуществляют свою деятельность в территориальных органах колоссально высокая. Эти, и многие другие причины привели к тому, что кадровый состав сотрудников органов следствия с каждым годом уменьшается все больше и больше. В данной статье целесообразно рассмотреть причины возникновения этой проблемы и возможные пути решения.

Кадровое обеспечение организации является весьма сложным и противоречивым явлением, где взаимодействуют многие процессы и отношения. С одной стороны, оно связано с характеристикой состояния персонала организации, совершенствованием его количественных и качественных параметров, выявлением их соответствия функциям и потребностям организации; с другой стороны, кадровое обеспечение выступает как целеустремленный процесс воздействия, система мер по укомплектованию организации профессионально квалифицированными работниками

Термин «предварительное следствие» не закреплен в основном законодательстве, регулирующем процесс предварительного расследования

уголовных дел, в УПК РФ, но для осуществления анализа деятельности органа, его осуществляющего, нам необходимо его сформулировать. Предварительное следствие – это форма предварительного расследования преступлений, представляющая собой досудебную стадию уголовного судопроизводства, на которой следователь, руководитель следственного органа, осуществляет деятельность по собиранию, проверке, а так же оценке доказательств, на основе которых устанавливаются имеющие значение для уголовного дела обстоятельства, и формируется обвинение. Следственный орган вносит весомый вклад в выполнение задач, поставленных перед системой МВД России. Стабильность, эффективность и своевременность выполнения поставленных задач во многом зависит от общего состояния кадрового состава в самом органе предварительного следствия. Правильное распределение нагрузки на личный состав подразделения – это главное условие, которое позволяет правильно функционировать целой системы подразделения.

20 марта 2023 г. состоялось выступление Министра внутренних дел РФ генерала полиции Владимира Александровича Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД РФ, на котором была выявлена одна из самых серьезных нынешних проблем в ОВД – это значительный некомплект кадров в территориальных органах [1]. Так же была озвучена и статистика – «на начало текущего года без учета новых территорий вакантными оставались 105 тысяч должностей, из них 86 тысяч – аттестованных» [1].

Это позволяет сделать вывод о том, что ситуация крайне обострилась на фоне прошлых лет. По-прежнему остро стоит вопрос комплектования.

Возможные пути решения довольно разнообразны, чтобы искоренить рассматриваемую проблему или же уменьшить ее глобальность, необходимо обращаться к причинам их появления. Осуществив анализ выступления Министра внутренних дел, а так же иную статистику можно сказать о том, что на поддержание высокого уровня эффективности деятельности следствия влияет ряд различных по своей природе негативных факторов:

1. Текучесть кадров – показатель скорости процесса потери кадров в структуре.
2. Осуществление деятельности подразделения в постоянном некомплекте личного состава.
3. Высокий уровень нагрузки из-за различных обострившихся ситуаций (пандемия коронавируса, увеличивающееся количество преступлений в сфере мошенничества и киберпреступлений).
4. Также озвученная в выступлении Колокольцева В.А. проблема – низкий уровень заработной платы. Соотношение нагрузки, возложенных обязанностей на следствие и заработной платы не является равным.
5. Отсутствие социального обеспечения сотрудников ОВД.
6. Отсутствие уважения со стороны граждан РФ, в последние годы свои границы расширяет тенденция неуважения к сотрудникам ОВД. В последнее время власть полицейских практически не признается.
7. Недостаток нормативных правовых актов, которые регулировали бы процессы взаимодействия органа предварительного следствия с иными подразделениями, службами и органами власти.

Указанный нами перечень причин не является исчерпывающим, но нам удалось выделить основные из них. В системе органов внутренних дел функционирование всех подразделений между собой тесно связано. Взаимосвязь подразделений, при рассмотрении данной проблемы, играет немаловажную роль в организации эффективной работы системы ОВД. В своей непосредственной деятельности следователь взаимодействует с органом дознания на протяжении всего процесса расследования уголовного дела. Давая поручения оперуполномоченному или участковому полиции, следователь освобождает себя от ряда процессуальных действий. Например, при осуществлении деятельности следственно-оперативной группы на месте происшествия, следователь, в пределах своих полномочий, имеет право дать поручение о проведении определенных процессуальных действий для сбора информации о произошедшем (опрос соседей, поиск очевидцев,

свидетелей и др.). При этом остальные действия, которые производятся незамедлительно, будут выполняться наиболее тщательно и внимательно. На заседании коллегии МВД РФ в 2022 г. были озвучены результаты по раскрытию преступлений различных видов, которые являлись достаточно хорошими с учетом выявленной проблемы. Но, если кадровое состояние будет улучшено, то соответственно раскрываемость так же будет повышаться.

Подготовка сотрудников так же не менее важна при оценке состояния кадрового состава. Подведомственные институты выпускают квалифицированных сотрудников, которые по окончании обучения направляются в территориальные органы для осуществления дальнейшей деятельности. В институтах систем МВД России курсантов готовят по всем необходимым направлениям: огневая, правовая, физическая и специальная подготовка. При этом, в институтах развивают культурную составляющую будущих сотрудников.

Подводя итог всему изложенному выше, можно предложить ряд мероприятий, которые могли бы решить проблему дефектов кадрового состава в ОВД полностью, либо частично. Наиболее простым способом будет являться пересмотр существующей кадровой политики, необходимо предусмотреть возможности профессионального роста, предоставление социальных гарантий сотрудникам ОВД. Это необходимо для организации своевременного обеспечения территориальных органов квалифицированными и подготовленными кадрами в необходимом количестве, а так же для максимальной реализации предусмотренных прав и обязанностей сотрудников для рационального использования их трудового потенциала. Не менее эффективным способом решения является реструктуризация прав и обязанностей сотрудников, нормирование нагрузки в зависимости от количества работающих сотрудников. Помимо этого, еще одним важным методом решения данной проблемы может быть предоставление стимулов для осуществления работы в следственном органе, т. е. предоставление

сотрудникам возможности получения поощрений или благодарностей за эффективно выполненную работу.

Литература

1. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [http: //www.mvd.rf](http://www.mvd.rf) (дата обращения: 08.03.2024).

© Шараева Я.А., 2024

Научное издание

**ОРГАНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: ТРАДИЦИИ,
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Сборник научных трудов
Всероссийского круглого стола**

(5 апреля 2024 г.)

Редактор *Р.Р. Мамедханов*
Корректор *Л.Н. Кожоридзе*
Технический редактор *В.В. Зверева*

Издатель: федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Ростовский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Тел.: 8 (863) 224-58-15. Сайт: <https://рюи.мвд.рф>

Подписано к использованию 13.12.2024.

Тираж 10 экз.

ISBN 978-5-8928-8544-7

